Сибирскій Архивъ

Журналъ исторіи, археологіи, географіи и этнографіи Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ II.

№ 3

Мартъ. 1913 годъ.

ИРКУТСКЪ.
Ирк. Эл.-тип. «Т-ва М. П. Окуневъ и К°».
1913.

Серафимъ Серафимовичъ Шашковъ.

Записки японцевъ о Россіи конца XVIII и начала XIX вв.

I. Нѣсколько замѣчаній о „Запискахъ“

Въ японскихъ архивахъ хранятся очень интересныя записки—отчеты японцевъ, случайно посѣтившихъ Россію въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій.

Въ это время, какъ извѣстно, Японія жила замкнуто и, по японскимъ законамъ, никто изъ японцевъ не могъ отправиться въ другія государства.

Японцы строго придерживались этого запрещенія и только лишь страшная буря могла, противъ всякаго съ ихъ стороны желанія, заносить хрупкія, маленькія парусныя суденышки японцевъ къ берегамъ сосѣднихъ государствъ.

Сосѣдними къ Японіи были владѣнія Россіи, Китая и Кореи; въ эти государства и попадали японскіе моряки, особенно въ Россію, владѣнія которой на сѣверѣ подходятъ слишкомъ близко къ островамъ Японскаго Архипелага.

Въ японскихъ архивахъ имѣются свѣдѣнія о четырехъ случаяхъ пребыванія японцевъ въ Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Въ 1753 году 16 японскихъ моряковъ, подъ начальствомъ Такеучи Токубей, были занесены бурею къ берегамъ Камчатки, откуда добрались до Иркутска; за неимѣніемъ средствъ вернуться на родину, они всѣ прожили въ Иркутскѣ до самой смерти.

Второй разъ, 17 японскихъ моряковъ, подъ начальствомъ Кодаю, въ 1781 году, пробрались изъ Камчатки черезъ Охотскъ, Якутскъ и Иркутскъ, въ Петербургъ, гдѣ были милостиво приняты Императрицей Екатериной II на аудіенціи; а изъ Петербурга, въ сопровожденіи назначеннаго для этой цѣли Адама Ракемана, черезъ Сибирь и Камчатку, вернулись въ портъ Немуро, на остр. Хоккайдо, въ Японію, проблуждавъ по чужбинѣ 12 лѣтъ.

Третій случай—команда Цудою была занесена бурей, въ 1793 году, на одинъ изъ острововъ въ Беринговомъ проливѣ.

Эти моряки проникли въ Петербургъ, имѣли аудіенцію у Императора Александра I и въ 1805 году вернулись въ Японію. Наконецъ, въ 1812 году моряки, подъ командой Кизаемонъ, прожили 4 года въ Россіи, бродя между Камчаткой и Охотскомъ, и, наконецъ, возвратились на одинъ изъ принадлежавшихъ тогда Японіи Курильскихъ острововъ, Этороѣ.

Конечно, возвращеніе моряковъ изъ чужого государства, изъ невѣдомыхъ для Японіи странъ, было цѣлымъ событіемъ.

Всѣ ждали услышать отъ моряковъ разсказа о томъ, что они видѣли въ другихъ государствахъ, какова тамъ жизнь и какъ относились къ нимъ.

Японское правительство также было очень заинтересовано свѣдѣніями о жизни въ сосѣднихъ государствахъ, почему и требовало отъ каждой возвратившейся изъ чужого государства партіи моряковъ самый подробнѣйшій отчетъ о всемъ томъ, что могли замѣтить случайные гости въ пріютившей ихъ странѣ.

До насъ дошли эти отчеты.

Такихъ отчетовъ въ Японскихъ архивахъ хранится нѣсколько, но самымъ подробнымъ и интереснымъ изъ нихъ надо считать отчетъ команды судна „Вакамія Мару“.

Составлялся этотъ отчетъ коллективно, всѣми возвратившимися изъ Россіи 4 моряками. Трое изъ нихъ были простые матросы, четвертый же самъ капитанъ судна, Цудою.

Главнымъ, конечно, редакторомъ, да и авторомъ отчета дневника надо считать самаго Цудаю, человѣка по тому времени хорошо образованнаго.

Многое для русскихъ въ отчетѣ покажется очень курьезнымъ, но не надо забывать, что укладъ японской жизни сильно разнится даже и теперь отъ нашего, а сто лѣтъ тому назадъ разница была слишкомъ велика; а потому многія явленія, мимо которыхъ мы проходимъ, даже не замѣчая ихъ, у японцевъ вызывали необычайное удивленіе, и они ихъ детально стараются описать въ своихъ запискахъ.

II. *Записки.*

„Въ концѣ ноября мѣсяца 1793 года, мы на парусномъ суднѣ „Вакамія Мару“ князя Дате, съ грузомъ 300 мѣшковъ риса, отправились изъ порта Исиномаки (въ провинціи Муцу) по направленію къ Іедо, расположенному по берегу залива Синогава.

Обычная гостья здѣшнихъ морей, буря, захватила насъ.

Цѣлыхъ 7 мѣсяцевъ она трепала насъ, перебрасывая, какъ щепку, наше суденышко съ одной волны на другую.

Блуждая по безпредѣльной ширн океана и уже нѣсколько мѣсяцевъ не видя береговъ даже на горизонтѣ, мы, естественно, не знали, гдѣ именно находимся. Только по сильному теченію моря, да по звѣздамъ мы могли опредѣлить, что наше суденышко бродитъ гдѣ то въ сѣверныхъ моряхъ.

Этотъ нашъ выводъ подтверждалъ также необычайный холодъ, котораго вблизи Японіи весною нельзя было ожидать и затѣмъ плавающія по морю большія глыбы льда и даже цѣлыя ледяныя горы.

10-го мая 1794 года на горизонтѣ показалась горная цѣпь, верхушка которой была покрыта снѣгомъ.

Капитанъ рѣшилъ, что это горная цѣпь острова Хокайдо, и сейчасъ же отдалъ приказаніе идти къ острову; „Вакамія Мару“ на всѣхъ парусахъ понеслась по направленію къ берегу.

Къ полудню мы уже были у берега. Сейчасъ же бросили якорь и затѣмъ спустили на воду лодку.

Въ лодку нагружена была въ достаточной степени провизія и полуиспорченная наша вода.

Затѣмъ, въ ней помѣстились всѣ мы съ „Вакамія Мару“, въ количествѣ 16 человѣкъ. Скоро мы высадились на высокомъ скалистомъ берегу, покрытомъ глубокимъ снѣгомъ. Оказалось, что мы попали на берегъ, гдѣ не было даже никакихъ животныхъ и растеній.

Конечно, оставаться на берегу не было никакого смысла, и мы рѣшили возвратиться обратно на свое судно.

На „Вакамія Мару“ мы стали двигаться вблизи берега, тщательно разсматривая его, но нигдѣ мы не находили слѣдовъ человѣческаго пребыванія.

10-го іюня одинъ изъ матросовъ радостно закричалъ:

— Дымъ на берегу!

Всѣ мы съ радостью увидѣли легкій поднимающійся отъ земли дымокъ.

Не было никакого сомнѣнія, что дымъ шелъ отъ костра, у котораго, навѣрное, сидятъ люди.

Мы сейчасъ же спустили на воду лодку; весь экипажъ судна поспѣшно помѣстился въ ней, и мы быстро поплыли къ берегу.

Наши ожиданія оправдались.

На берегу мы нашли нѣсколько человѣкъ съ страшными, черными лицами.

Всѣ они были одѣты въ шкуры дикихъ звѣрей.

Мы никогда не видали ничего подобнаго, потому намъ они показались чуть ли не самими дьяволами, и мы, сильно испугавшись, не рѣшались высадиться на берегу.

Но черные люди стали жестами звать насъ къ себѣ.

Набравшись смѣлости, мы покинули свою лодку и все же со страхомъ подошли поближе къ чернокожимъ.

Навѣрное, они поняли, что мы моряки и занесены сюда волнами океана.

Вскорѣ къ намъ пришло еще человѣкъ тридцать туземцевъ.

Они очень ласково отнеслись къ намъ и старательно помогли намъ вытащить изъ воды на берегъ лодку.

Затѣмъ, часть мужчинъ покинула насъ. Вскорѣ, впрочемъ, они возвратились къ намъ, принеся много разной рыбы. Женщины же принесли намъ нѣсколько кожаныхъ мѣшковъ воды и указали намъ руками на котелъ въ лодкѣ, какъ бы совѣтуя намъ сварить себѣ рыбы.

Теперь всѣ наши напрасные страхи прошли, и мы, собравъ хворостъ и разложивъ костеръ, стали варить себѣ рисовую кашу съ рыбой.

На берегу, куда мы попали, не было ни одного дома.

Всѣ здѣшніе туземцы жили въ ямахъ, выкопанныхъ на ровномъ морекомъ берегу.

Сверху ямы покрыты занесенными сюда морскими теченіями бревнами, на которыхъ наложена сухая трава, сверху набросана глина.

Попасть въ яму можно лишь въ отверстіе, величиною въ квадратный аршинъ, продѣланное въ самой серединѣ крыши; отъ отверстія же къ полу ямы поставлена лѣстница.

Размѣры ямъ-жилищъ туземцевъ были различны, но величина ихъ не превышала 3 квадратныхъ саженъ.

Въ ямахъ, несмотря на морозы, было очень тепло.

Когда мы пожили немного съ туземцами, намъ стало понятно, что живутъ они въ ямахъ только потому, что на островѣ нѣтъ деревьевъ, а потому нельзя и построить жилищъ.

Туземцы ходили босые. Мужчины ихъ на видъ страшны и некрасивы; женщины имѣютъ болѣе кроткую наружность. У каждой изъ женщинъ вокругъ рта грубая татуировка, въ носу продѣлано отверстіе, въ которое вставлена палочка съ кольцами, сдѣланными изъ кости какой то рыбы. Въ ушахъ у многихъ—стеклянныя серьги, а вокругъ шеи—цѣпь, сдѣланная изъ множества клювовъ птицы „очко“. Волосы у всѣхъ женщинъ чернаго цвѣта, длинные и перевязаны на головѣ.

Мы рѣшили остаться жить здѣсь на берегу, а судно бросить на произволъ, стащивъ предварительно съ него все,

необходимое для нашей жизни, — и поселиться въ ямахъ туземцевъ.

Спустя 8 дней, къ нашему острову пріѣхалъ, на сдѣланной изъ кожи лодкѣ, какой-то странный человѣкъ съ величественной наружностью.

Его сопровождало около 10 туземцевъ, вооруженныхъ топорами и ружьями.

Мы не знали, что это за человѣкъ. Видѣли только, что туземцы оказываютъ ему большія почести.

Впослѣдствіи намъ сообщили, что это русскій начальникъ здѣшняго раіона. По сообщенію туземцевъ онъ пріѣхалъ сюда, чтобы узнать все подробно о нашемъ появленіи на здѣшнемъ островѣ.

Русскій начальникъ обратился къ намъ и, видимо, что то хотѣлъ отъ насъ узнать.

Но мы не понимали русскаго, а онъ не понялъ японскаго языка. Съ большимъ трудомъ намъ все же удалось объяснить ему, какъ мы сюда попали.

Затѣмъ, русскій начальникъ далъ всѣмъ намъ по нѣсколько яицъ какой-то морской птицы.

На слѣдующій день, утромъ, онъ ветѣлъ намъ сѣсть въ его лодку. Подъ его командой мы отправились на ней къ сѣверо-востоку. Вечеромъ въ тотъ же день мы достигли какого-то порта, который русскій начальникъ называлъ „Наткой".

Портъ „Натка", какъ мы потомъ узнали, находится на самомъ востокѣ русскихъ владѣній и въ Сѣверной Америкѣ.

Въ порту стояло одно довольно большое судно.

На берегу жило около 40 туземцевъ и русскій начальникъ. Домъ его сдѣланъ изъ бревенъ, прибитыхъ сюда морскими волнами.

Здѣшній русскій начальникъ смѣняется разъ въ 3 года.

По прибытіи въ Натку, русскій начальникъ пригласилъ насъ къ себѣ и угостилъ кушаньемъ изъ вареной рыбы.

Жить временно мы остались въ Наткѣ.

Каждый день мы помогали въ работѣ туземцамъ по сборкѣ на берегу занесенныхъ морскими волнами бревенъ и деревьевъ и отправлялись съ ними на рыбную ловлю.

На островѣ, гдѣ стояла Натка, совершенно не растутъ деревья. Растетъ же здѣсь мягкая, довольно высокая, трава, которой туземцы отапливаютъ свои ямы. Изъ нея же они дѣлаютъ себѣ постели и употребляютъ эту же траву для крышъ на ямахъ.

Боченками и другой посудой для сохраненія жидкостей здѣсь служатъ шкурки мягкихъ звѣрей.

Главное занятіе всего населенія этого острова—рыбная ловля.

Потому и рыба является ихъ единственной пищей.

Рыбу они варятъ въ соленой водѣ; вареную рыбу ѣдятъ руками; рыбныя кости бросаютъ прямо себѣ подъ ноги въ ямѣ, и потому въ ямахъ туземцевъ всегда грязь и зловоніе.

Изъ рыбъ здѣсь почти круглый годъ ловится треска. Туземцы разрѣзаютъ ее на 3 части, варятъ съ солью и затѣмъ, очень часто, послѣ варки, толкутъ мясо, смѣшиваютъ его съ китовымъ или нерпичьимъ жиромъ и въ такомъ видѣ ѣдятъ.

Для охоты на морскихъ звѣрей туземцы употребляютъ копье, длиною около сажени; наконечникъ копья сдѣланъ изъ чернаго камня. Съ самаго дѣтства туземцы практикуются въ метаніи этого копья въ звѣрей.

Въ Наткѣ мы слышали, что когда русскіе для покоренія острова впервые пріѣхали сюда, тогда всѣ туземцы, собравшись на берегу острова, градомъ копій осыпали русскія суда, и русскіе долго не могли высадиться на берегъ; многіе изъ нихъ были даже ранены.

Черный камень—наконечникъ стрѣлъ, говорятъ, очень ядовитъ, и когда онъ попадаетъ въ тѣло, то послѣднее начинаетъ загнивать и потому для леченія необходимо производить операцію.

Русскіе, проживающіе на этомъ островѣ, учатся у туземцевъ метать копья; но не могутъ достигнуть того искусства, которое дается туземцамъ, упражняющимся въ этомъ съ дѣтскихъ лѣтъ.

Когда туземцы на своихъ кожаныхъ лодкахъ отправляются на охоту на морскихъ звѣрей, они обязательно привязываютъ нѣсколько копій къ бортамъ лодокъ.

Климатъ здѣсь холодный и только лишь въ серединѣ іюня ледъ въ рѣкѣ таетъ.

Туземки хорошо умѣютъ шить и красиво вышивать иголками, привезенными сюда изъ Россіи.

Воротникъ женской одежды сдѣланъ изъ мѣха.

Избы для живущихъ въ Наткѣ русскихъ сдѣланы изъ бревенъ и стоятъ на самомъ берегу моря. Крыши у избъ покрыты травой, поверхъ которой наложена глина.

Здѣсь водится морской звѣрь, подъ названіемъ „сивучъ“, который по своимъ размѣрамъ больше коровы. Шерсть у него рѣдкая, жесткая, краснаго цвѣта. Голова короче ло-

шадиной; на губахъ бѣлые усы. Изъ подъ верхнихъ губъ высовываются два бѣлыхъ, длиною около 1 аршина, толстыхъ, круглыхъ клыка. Клыки закруглены книзу и похожи на клыки слона. Животное это иногда высаживается на берегъ, и тогда туземцы убиваютъ его топорами или палками.

Натка совершенно отрѣзана моремъ отъ другихъ странъ, и потому мы уже оставили всѣ свои мечты объ обратномъ возвращеніи въ Японію и рѣшили жить здѣсь, если только не представится какого-нибудь счастливаго случая, до самой смерти.

Въ Наткѣ, когда мы въ нее прибыли, стояло одно коммерческое парусное судно, прибывшее сюда изъ Россіи для мѣновой торговли.

Капитаномъ этого судна былъ Иванъ Гораловъ, человѣкъ очень добрый. Онъ, узнавъ о нашей судьбѣ, очень сочувственно отнесся къ намъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ нашего пребыванія въ Наткѣ, онъ однажды сказалъ всѣмъ намъ:

— Если вы всю жизнь проведете здѣсь, питаясь лишь одной рыбой, то заболѣете цынгой, можете испортить свое здоровье. Отсюда за 1000 верстъ, черезъ море, находится русскій городъ Охотскъ. Тамъ материкъ русскихъ владѣній. Тамъ существуетъ казенное управленіе, чиновники котораго смѣняются черезъ каждые два года прибывающими изъ Европейской Россіи. Вообще, тамъ жить куда лучше, чѣмъ здѣсь. Я скоро отправлюсь изъ Натки и совѣтую всѣмъ вамъ поѣхать къ русскому материку.

Всѣ мы были очень обрадованы предложеніемъ добраго капитана и, конечно, охотно согласились слѣдовать съ нимъ.

Мѣстный русскій начальникъ подарилъ всѣмъ намъ по мѣховому платью, и 3-го апрѣля слѣдующаго (1795) года мы покинули Натку, которая, какъ намъ объяснилъ Гораловъ, находится въ бухтѣ Гарфа, въ Беринговомъ проливѣ.

Капитану Ивану Гэралову было болѣе 60 лѣтъ. Онъ 4 года тому назадъ пріѣхалъ въ Натку съ семьей изъ Россіи, имѣлъ судно и до 30 человѣкъ судовой команды.

На пути изъ Натки въ Охотскъ мы заходили во многіе порты, гдѣ Гораловъ вымѣнивалъ у туземцевъ шкуры дорогихъ звѣрей. Съ большимъ и цѣннымъ грузомъ мы благополучно прибыли въ Охотскъ 28-го іюня.

По прибытіи въ Охотскъ, Гораловъ немедленно заявилъ въ мѣстное административное управленіе о томъ, какъ мы попали въ Натку, и просилъ русскихъ властей оказать намъ свое покровительство. Мѣстная администрація согласилась

взять насъ подъ свое покровительство. Она отвела намъ одну изъ казенныхъ избъ, шириною около 6 саженъ. Въ отведенной намъ избѣ было нѣсколько комнатъ и кухня. Въ каждой комнатѣ стояли столы, кровати и стулья.

Ежедневно намъ отпускались администраціей рыбы и черный хлѣбъ. Послѣ всего, нами перенесеннаго, черный хлѣбъ намъ казался самымъ изысканнымъ блюдомъ, а житье въ теплой избѣ—жизнью въ раззолоченномъ царскомъ дворцѣ.

Прошло въ Охотскѣ болѣе 50 дней; въ концѣ августа мѣстная администрація сообщила намъ, что по случаю смѣны администраціи трое изъ насъ могутъ быть отправлены въ областной городъ Якутскъ, откуда насъ повезутъ въ самый большой сибирскій городъ, Иркутскъ. На приготовленіе намъ было дано два дня.

Каждому изъ насъ хотѣлось выбраться отсюда, потому мы бросили жребій. Жребій выпалъ на троихъ: Гихе, Зенроху и Гоцубо.

Мы выѣхали изъ Охотска на лошадяхъ, вмѣстѣ съ начальникомъ мѣстнаго правленія и съ 20-ю его подчиненными.

При отъѣздѣ изъ Охотска мѣстная администрація снабдила насъ мѣховой одеждой. Эта одежда кругомъ зашита. Сверху продѣлано небольшое отверстіе, въ которое сперва просовываются ноги, а затѣмъ туловище и руки. Отверстіе затягивается у шеи веревкой, и мѣхъ покрываетъ съ самыхъ ногъ до головы одѣвшаго его. Кромѣ того, на руки мы надѣли мѣховыя перчатки, а на ноги саноги изъ оленьей кожи. Однимъ словомъ, кромѣ глазъ, все наше тѣло было закутано мѣхами.

Отъ Охотска до Якутска около 200 ри разстоянія.

Дорога идетъ все время гористой мѣстностью.

Мы ѣхали разстояніе отъ Охотска до Якутска половину августа и весь сентябрь.

Въ Японіи въ это время стоитъ самая пріятная погода; здѣсь же былъ сильный морозъ, и вездѣ лежалъ глубокій снѣгъ, достигавшій до самаго живота лошади.

Въ пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ не было ни населенныхъ пунктовъ, ни дорогъ. Только при содѣйствіи проводниковъ, мѣстныхъ туземцевъ, мы могли благополучно проѣхать по этой снѣжной пустынѣ.

При отъѣздѣ изъ Охотска у насъ было 50 лошадей и провизіи, состоящей изъ сухарей, соленаго мяса и свинины, соленыхъ птицъ, на 30 дней. По дорогѣ пало много лошадей, и дальнѣйшее передвиженіе стало затруднительнымъ.

Потому на одной изъ станцій, стоящей почти на срединѣ нашего пути, мы взяли еще 20 лошадей.

Бездорожье сильно замедляло нашу поѣздку. Къ назначенному сроку мы, конечно, прибыть въ Якутскъ не могли.

Къ концу нашего пути у насъ вышелъ весь запасъ провизіи, и намъ пришлось питаться лишь мукой, разведенной въ водѣ.

Кое-гдѣ въ пути намъ встрѣчались мѣстные жители, которыхъ зовутъ якутами. Это кочевой народъ, занимающійся охотой на звѣрей, рыболовствомъ и въ очень рѣдкихъ случаяхъ скотоводствомъ.

На всемъ разстояніи въ 200 ри *) отъ Якутска до Охотска намъ попалось всего лишь 3 станціи. Домовъ у каждой станціи было отъ 10 до 20. Кромѣ этихъ 3-хъ станцій, намъ не попалось болѣе ни одного населеннаго пункта.

Домики якутовъ съ толстыми стѣнами изъ глины. Въ одной стѣнѣ находится дверь. Полы домовъ густо застланы сухой травой. Въ серединѣ потолка продѣлано большое отверстіе, на которое положена и приморожена толстая ледяная доска, благодаря которой внутри дома якута очень свѣтло.

Замужнія якутки заплетаютъ свои волосы на головѣ въ двѣ косы, дѣвицы же заплетаютъ 3 косы.

На головѣ женщины носятъ повязку, сдѣланную изъ сукна или бархата и расшитую разными украшеніями. Воротникъ женской одежды украшенъ горностаемъ или собольимъ мѣхомъ.

13-го октября, т. е. болѣе чѣмъ чрезъ 50 дней послѣ отдѣзда изъ Охотска, мы добрались до Якутска.

Якутскъ большой областной городъ. Жителей здѣсь болѣе двухъ тысячъ. Почти всѣ дома небольшіе деревянные; но храмы и дома казенныхъ учрежденій каменные.

Въ Якутскѣ всего 9 русскихъ храмовъ и казенныхъ домовъ.

Мы прожили въ Якутскѣ около 40 дней. Какъ разъ въ это время здѣсь стояли страшные холода; мы сидѣли все время въ домѣ и потому не могли ознакомиться съ городомъ.

24-го ноября мы снова двинулись въ путь.

Теперь мы направлялись къ югу отъ Якутска, въ городъ Иркутскъ

Дорога здѣсь была ужъ не такая, какъ изъ Охотска въ Якутскъ. Часто намъ попадались станціи, возлѣ которыхъ было ужъ по 50—100, а то и болѣе домовъ. Почти на каждой такой станціи были церкви.

*) Ри—японская путевая мѣра=3,27 рус. верстъ.

Мы ѣхали на саняхъ, въ которыя запрягали отъ 4 до 6 лошадей, смотря по разстоянію между станціями. Наша дорога большей частью шла по рѣкѣ Ленѣ. Ледъ на рѣкѣ былъ ровный и сани наши быстро по ней скользили.

Мѣнять лошадей намъ приходилось почти на каждой станціи. Станціи же здѣсь встрѣчаются на разстояніи 10, 12, 18, 20 и 25 верстъ одна отъ другой.

Названіе станцій запомнить было очень трудно. Изъ всѣхъ станцій самая большая называется Олекмою. Въ ней около 300 домовъ, церковь и одно казенное учрежденіе.

25 января 1795 года мы прибыли въ городъ Иркутскъ.

Городъ Иркутскъ считается самымъ большимъ и красивымъ городомъ по всей Сибири; въ немъ болѣе трехъ тысячъ домовъ и живетъ Сибирскій генералъ-губернаторъ. При губернаторѣ находятся три важныхъ чиновника, которые смѣняются черезъ каждые три года новыми чиновниками, посылаемыми изъ Россіи. Въ городѣ имѣется около 1800 солдатъ.

Управляетъ городомъ городской голова.

Очень много въ Иркутскѣ большихъ, великолѣпныхъ храмовъ. Всего здѣсь 13 каменныхъ храмовъ.

Съ юго-восточной стороны отъ города видны высокія горы, съ запада на сѣверъ протекаетъ большая и глубокая рѣка.

Отсюда до китайской границы, до города Маймачена, около 500 верстъ; до столицы Россіи—Петербурга - 7 тысячъ, а до Камчатки 6½ тысячъ верстъ.

По прибытіи въ Иркутскъ, мы были доставлены въ мѣстное управленіе, гдѣ, къ нашему большому удивленію и не меньшей радости, нашелся одинъ русскій, прекрасно владѣющій японскимъ языкомъ.

Когда мы поинтересовались узнать, какимъ образомъ этотъ русскій могъ такъ хорошо научиться, живя здѣсь, японскому языку, онъ намъ разсказалъ слѣдующее:

— Почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ 1753 году, въ Иркутскъ прибыло 16 японскихъ моряковъ, занесенныхъ бурею къ берегамъ Сибири, подъ командой капитана Токубей Такеучи, уроженца южной Японіи. Всѣ эти моряки не могли возвратиться къ себѣ на родину и до самой смерти прожили здѣсь, въ Иркутскѣ. Среди этихъ японскихъ моряковъ былъ матросъ Саймура Кюсуке, который прожилъ здѣсь въ Иркутскѣ цѣлыхъ 30 лѣтъ; онъ-то и научилъ меня говорить по японски. Я долго учился у него японскому языку. Много помогла мнѣ также практика въ этомъ языкѣ, когда 12 лѣтъ тому назадъ въ Иркутскъ прибыло вновь 17 новыхъ

занесенныхъ бурей къ Сибири японскихъ моряковъ подъ командой Кодаю. Тогда я къ нимъ былъ назначенъ отъ русской администраціи переводчикомъ. Спустя немного времени русское правительство отправило всѣхъ моряковъ подъ командой Кодаю въ Японію. Съ нимъ отправился и я и могъ побывать въ Японіи. Теперь русская администрація назначила меня переводчикомъ къ вамъ.

Затѣмъ мы узнали, что зовутъ нашего молодого переводчика Иваномъ Токорковымъ.

Черезъ нѣсколько дней Токорковъ радостно сообщилъ намъ, что русское правительство отдало распоряженіе доставить въ Иркутскъ и всѣхъ оставшихся въ Охотскѣ нашихъ товарищей-японцевъ, при чемъ всѣ моряки должны были быть доставлены въ 3 очереди (въ первую очередь прибыло 3 человѣка, затѣмъ 5 и, наконецъ, въ декабрѣ 1796 года въ Иркутскъ попали и остальные 8 человѣкъ).

Въ полномъ довольствіи мы прожили въ Иркутскѣ съ мѣсяцъ и вдругъ были прямо поражены необычайнымъ открытіемъ.

Однажды одинъ изъ насъ, разгуливая по улицамъ, случайно встрѣтилъ своего соотечественника Сенчо, который, хотя и былъ въ русскомъ костюмѣ, но все же своимъ ростомъ и чертами лица сильно выдѣлялся изъ русской среды.

Сенчо явился въ Иркутскъ вмѣстѣ съ командой Кодаю.

Онъ только одинъ изъ всей этой команды пожелалъ остаться здѣсь и не возвратился въ Японію.

Сенчо зналъ хорошо о нашемъ прибытіи въ Иркутскъ, но, видимо, не хотѣлъ съ нами встрѣчаться, боясь, что мы будемъ его укорять, что онъ забылъ родину и принялъ русское подданство.

Но мы встрѣтили его радостно, и онъ вскорѣ даже сталъ проводить съ нами время.

Теперь онъ уже не назывался Сенчо, а былъ переименованъ въ Николая Хайтаровича Корочетено, былъ женатъ на русской, имѣлъ дѣтей и служилъ при генералъ-губернаторѣ преподавателемъ японскаго языка, за что получалъ онъ громадныя деньги.

Первое время нашего пребыванія въ Иркутскѣ мы подолгу бродили по городу, разсматривая его и знакомясь съ жизнью его жителей.

Самъ Иркутскъ очень красивый городъ. Раскинулся онъ на очень большомъ пространствѣ. Много въ немъ красивыхъ какъ каменныхъ, такъ и деревянныхъ домовъ.

Улицы въ Иркутскѣ, по сравненію съ нашими, очень ши-

роки и по нимъ въ одинъ рядъ свободно могутъ проѣхать три телѣги.

Въ одной части города Иркутска находится базаръ, гдѣ продается много разной рыбы, по большей части пойманной въ озерѣ Байкалъ и привезенной сюда по рѣкѣ Ангарѣ.

Около базара выстроены ряды мясныхъ лавокъ, гдѣ продаютъ говядину, свинину и баранину.

Въ 3—4 верстахъ отъ города въ громадныхъ зданіяхъ помѣщаются разныя военныя учрежденія, военный госпиталь и казармы для казаковъ.

Домовъ въ Иркутскѣ очень много большихъ. Почти на дворѣ каждаго дома устроенъ огородъ, въ которомъ произрастаютъ разные овощи, а также табакъ. Въ каждомъ домѣ имѣется подвалъ, въ который зимой жители навозятъ съ рѣки ледъ и сохраняютъ лѣтомъ на этомъ льду въ подвалахъ свою провизію.

Во всѣхъ домахъ имѣется по нѣсколько печей, которыя такъ сильно зимой согрѣваютъ въ комнатахъ воздухъ, что можно свободно разгуливать по комнатѣ въ одной рубашкѣ.

Хороши въ Иркутскѣ также бани. Устройство у этихъ бань совсѣмъ иное, чѣмъ у нашихъ. Здѣсь совершенно нѣтъ общихъ залъ бань, гдѣ бы мылись мужчины вмѣстѣ съ женщинами. Здѣсь, хотя и имѣются общія бани, но съ двумя отдѣленіями: въ одномъ изъ нихъ моются лишь одни мужчины, въ другомъ — женщины.

Затѣмъ, очень диковиннымъ показался намъ русскій обычай — класть въ печь бани камни, раскаливать ихъ до красна и потомъ плескать на нихъ воду, чтобы получился паръ.

Мы долго, сидя въ банѣ, наблюдали, какъ изъ печки, послѣ того какъ туда плеснутъ ковшикъ воды, поднимается густой паръ, наполняя все помѣщеніе бани.

Въ помѣщеніяхъ бань устроено особое возвышеніе, на которое русскіе залазятъ, ложатся на животъ и парятся. Отъ пару тѣло дѣлается краснымъ, и вся грязь выходитъ наружу. Когда въ банѣ становится очень душно, то моющіеся поливаютъ себѣ на голову холодную воду.

Ходятъ здѣсь въ баню не каждый день, какъ у насъ въ Японіи, а только раза 3—4 въ мѣсяцъ. Передъ большими праздниками почти каждый русскій стремится побывать со всею своей семьей въ банѣ.

Русскіе ѣдятъ такъ же, какъ и японцы, 3 раза въ день.

Утромъ пьютъ чай съ пшеничнымъ хлѣбомъ. Въ обѣдъ ѣдятъ супъ съ чернымъ хлѣбомъ, который пекутъ сами хозяева каждаго дома съ разсчетомъ на цѣлую недѣлю.

Главной пищей у жителей Иркутска коровье мясо, рыба и хлѣбъ, — пшеничный и ржаной.

Жители русскихъ городовъ и особенно деревень держатъ много рогатаго скота, большей частью коровъ, которыя даютъ: мясо, молоко и кожу.

Русскіе очень любятъ коровье молоко. Якуты же больше любятъ пить лошадиное и оленье молоко; якуты также умѣютъ приготовить изъ молока особый напитокъ, отъ котораго легко можно опьянѣть.

Изъ овощей здѣсь много растетъ капусты.

Осенью въ каждомъ домѣ рубятъ капусту на мелкія части и солятъ въ большихъ бочкахъ. Соленая капуста немного кисла, но очень вкусна. Русскіе ѣдятъ ее съ хлѣбомъ или кладутъ ее въ котелокъ и варятъ изъ нея и мяса особый супъ.

Когда у русскихъ по закону наступаетъ постъ, они не ѣдятъ мяса, но зато употребляютъ въ пищу рыбу. Во время поста русскіе и варятъ рыбу, и жарятъ ее на маслѣ вмѣстѣ съ мукой.

Рисъ русскіе рѣдко ѣдятъ. Они варятъ изъ него и молока рисовую кашу, которой очень часто кормятъ своихъ дѣтей.

Русскіе мужчины очень сильно любятъ пить особый спиртный напитокъ, приготовленный изъ пшеницы. Онъ очень крѣпокъ для насъ, японцевъ, но русскіе могутъ выпить его очень много.

Передъ ѣдой въ богатыхъ русскихъ домахъ столъ покрываютъ бѣлой скатертью, на которую ставятъ по числу людей тарелки, кладутъ ложки и вилки и затѣмъ, уже подаютъ кушанье.

Каждый изъ присутствующихъ, когда ѣстъ, закрываетъ свою грудь, чтобы не запачкать платья, бѣлымъ кускомъ матеріи (салфеткой).

Зимой русскіе носятъ очень теплыя шубы, сдѣланныя большей частью изъ шкуры дикихъ звѣрей или овецъ. Простые же бѣдные крестьяне носятъ шубы, сшитыя изъ собачьихъ шкуръ.

Возлѣ Иркутска живетъ много туземцевъ, которые называются бурятами.

Говорятъ, что они жили здѣсь еще до покоренія Сибири русскими.

Глаза у бурятъ черные, косые. Они всѣ низкаго роста и своей наружностью сильно отличаются отъ русскихъ.

Русскіе не любятъ бурятъ.

Многіе изъ бурятъ очень хорошо владѣютъ русскимъ языкомъ и ходятъ въ русской одеждѣ.

Религія у бурятъ совсѣмъ иная, чѣмъ у русскихъ.

Мы прожили въ Иркутскѣ 8 лѣтъ.

Въ теченіе этого времени трое японцевъ успѣло умереть отъ разныхъ болѣзней; но надеждъ на возвращеніе въ Японію у насъ по прежнему не было.

Однажды, въ мартѣ мѣсяцѣ 1803 года, къ намъ пришелъ Сенчо (Николай Корочетено) и радостно сообщилъ:

— Генералъ-губернаторъ послалъ меня объявить вамъ, что русскій Императоръ, узнавъ о вашемъ пребываніи въ Иркутскѣ, пожелалъ увидѣть васъ, почему онъ и отдалъ приказаніе живущему въ Иркутскѣ Сибирскому генералъ-губернатору доставить васъ въ столицу Россіи, въ Петербургъ.

Извѣстіе Сенчо обрадовало насъ.

Проживъ столько времени безъ надежды снова когда либо увидѣть свою родину, каждый изъ насъ теперь чувствовалъ, что какъ бы ожилъ духомъ. Явившись въ Петербургъ и представъ передъ русскимъ Императоромъ, мы, конечно, стали бы просить его отправить насъ обратно въ Японію.

Возможно, что государь исполнитъ нашу просьбу, и мы снова будемъ тогда у себя на родинѣ.

Тоска по отчизнѣ давно уже терзала всѣхъ насъ. Въ Иркутскѣ, хотя русскіе насъ и кормили довольно хорошо и одѣвали, но все же жизнь здѣсь совсѣмъ другая, чѣмъ у насъ въ Японіи, потому, несмотря на столь долгое пребываніе въ Россіи, мы не могли къ ней привыкнуть, и насъ все же тянула къ себѣ японская жизнь, гдѣ всегда такъ тепло и гдѣ остались жить наши родные и знакомые.

Лучъ надежды на возвращеніе на родину придалъ всѣмъ намъ бодрости.

Мы спѣшно собрались въ дорогу и въ началѣ марта 1803 года, совмѣстно съ сопровождающимъ насъ переводчикомъ Сенчо (Николаемъ Корочетено), покинули Иркутскъ.

Всего насъ выѣхало 15 человѣкъ (13 японцевъ).

Мы удобно размѣстились на 7 тарантасахъ, которые приготовилъ для насъ генералъ-губернаторъ.

Всѣмъ намъ, японцамъ, генералъ-губернаторъ на прощаньи подарилъ по одному суконному костюму.

Ѣхали мы въ Петербургъ черезъ большіе русскіе города: Томскъ, Пермь, Казань и Москву болѣе 50 дней. Мы ѣхали днемъ и ночью. Ѣхали такъ быстро, что нѣкоторые изъ насъ заболѣли въ дорогѣ.

Съ проѣзжающей мѣстностью мы почти совсѣмъ не могли ознакомиться и изъ всего пути мы имѣли значительныя остановки лишь въ Казани да Москвѣ.

Казань—старинный татарскій городъ; въ немъ находится старая великолѣпная крѣпость, около которой течетъ самая широкая рѣка въ Россіи – Волга. Ширина Волги достигаетъ до 4 верстъ. Это прямо маленькое море.

Почва возлѣ Казани очень плодородная, и на здѣшнихъ поляхъ произрастаетъ очень много пшеницы.

Москва—старинная русская столица.

Улицы въ ней широки и хорошо вымощены.

Экипажи безъ перерыва шныряютъ по нимъ

Дома почти всѣ каменные, огромные и великолѣпные. Деревянныхъ домовъ очень мало.

Особенно великъ и красивъ домъ, въ которомъ помѣщалась гостинница, гдѣ мы остановились.

Какіе прекрасные, вкусные подавали намъ въ гостинницѣ блюда! Мы никогда отъ роду не ѣли такихъ вкусныхъ кушаній, какими насъ угостили въ Москвѣ.

Обстановка всей гостинницы была роскошная, и до сего времени въ Иркутскѣ мы не видѣли даже подобной ей.

26-го апрѣля 1803 года мы, наконецъ, прибыли въ Петербургъ.

Здѣсь насъ очень любезно встрѣтилъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Николай Петровичъ Румянцевъ, который имѣлъ большое вліяніе во дворцѣ Императора. Онъ отвелъ намъ для жилья одинъ изъ своихъ домовъ, находящихся во дворѣ. Дворъ этотъ былъ очень великъ, занималъ площадь почти около 200 квадратныхъ саженъ, и былъ обнесенъ высокими каменными стѣнами съ тройными воротами.

Черезъ первые ворота мы прошли на небольшой дворъ; пройдя вторые, по бокамъ которыхъ стояло двое часовыхъ съ ружьями, и третьи, возлѣ которыхъ снова стояли солдаты съ вынутыми изъ ноженъ саблями, мы попали во дворъ, посреди котораго стояло громадное трехэтажное каменное зданіе.

Въ зданіе вела высокая каменная лѣстница.

Вечеромъ въ день своего пріѣзда мы получили отъ князя приглашеніе пожаловать къ нему.

Въ сопровожденіи нѣсколькихъ служащихъ въ домѣ князя мы поднялись по лѣстницѣ на третій этажъ княжескаго дома, и попали въ огромную залу.

По стѣнамъ залы было развѣшено много различныхъ картинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зала возлѣ стѣнъ стояли разныя статуи.

Въ глубинѣ зала стоялъ князь со своей теткой и нѣсколькими придворными.

Мы поклонились низко, по японски, князю.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ намъ, отвѣтилъ на наше привѣтствіе и сказалъ:

— Я хотѣлъ бы знать: желаете ли вы остаться здѣсь у насъ, въ Россіи, или хотѣли бы возвратиться къ себѣ на родину, въ Японію. Нашъ Государь соизволитъ удовлетворить ваше желаніе. Государь очень интересуется вашей родиной, Японіей. Ему извѣстна ваша судьба и онъ, желая оказать вамъ особую милость, хотѣлъ бы узнать о вашихъ желаніяхъ. Вамъ безъ всякаго стѣсненія слѣдуетъ открыть мнѣ свои желанія.

Князь Румянцевъ въ этотъ день былъ въ сюртукѣ темно-зеленаго цвѣта съ золотыми каймами. Его же тетка была одѣта въ темно-синее бархатное платье, грудь котораго была украшена серебряной вышивкой. Затѣмъ князь показалъ намъ свое роскошное помѣщеніе и угостилъ насъ вкуснымъ ужиномъ.

Поселились мы въ Петербургѣ въ домѣ князя Румянцева. Кормили насъ роскошно. Ежедневно нашъ завтракъ состоялъ изъ легкихъ 3 блюдъ, а на обѣдъ и ужинъ подавалось по цѣлыхъ 9 блюдъ.

Обѣдали мы въ особой комнатѣ, гдѣ стояло нѣсколько столовъ, покрытыхъ бѣлой, какъ снѣгъ, матеріей, на которыхъ были разставлены красивыя тарелки, а возлѣ нихъ серебряные ножи, вилки и ложки. Возлѣ столовъ стояли особые прислужники, которые приносили изъ кухни кушанья постепенно, одно за другимъ.

Кушанья каждый день были разныя.

Въ домѣ князя Румянцева было до 700 служащихъ.

Если гдѣ нибудь князю нужно побывать, то онъ ѣдетъ въ каретѣ, запряженной шестеркой лошадей. Сзади этой кареты всегда стоитъ по 2 служащихъ, въ расшитыхъ золотомъ костюмахъ.

На дворѣ княжескаго дома устроено нѣсколько стеклянныхъ теплицъ, за которыми наблюдаютъ садовники. Въ этихъ теплицахъ и зимой и лѣтомъ цвѣтутъ разные красивые цвѣты и произрастаютъ всевозможные овощи и плоды.

Мы прожили у князя 15 дней, пока намъ объявили, что Императоръ пожелалъ принять насъ на аудіенцію въ своемъ дворцѣ. При этомъ желаніе Императора было видѣть насъ въ національныхъ японскихъ костюмахъ.

Прошло уже много времени, какъ мы покинули Японію; платье наше износилось и было давно нами брошено; пото-

му изъ канцеляріи Императора были отпущены особыя деньги. Въ сопровожденіи нѣкоторыхъ придворныхъ мы отправились въ одинъ изъ большихъ магазиновъ Петербурга и выбрали себѣ для платья лучшаго атласа. По нашимъ указаніямъ придворные портные сшили намъ японскіе національные костюмы.

16 мая была назначена намъ аудіенція у Императора.

Объ этомъ намъ объявилъ самъ князь Румянцевъ.

Мы стали приготовляться къ посѣщенію дворца: одѣли только что сшитые національные костюмы и зачесали свои волосы прической «маге».

Во дворецъ мы поѣхали въ каретахъ, по 4 человѣка въ каждой каретѣ.

Дворецъ находится въ самомъ городѣ. Съ одной его стороны протекаетъ рѣка, а остальныя 3 стороны обнесены каналомъ. Дворецъ занимаетъ площадь шириной въ $^1/_2$ квадратной версты. У воротъ дворца—два часовыхъ съ ружьями.

Вокругъ дворца выстроены высокія каменныя зданія. Самъ же дворецъ—пятиэтажное каменное зданіе.

Въ каждомъ этажѣ дворца множество оконъ.

Первые ворота во дворецъ, которыя мы проѣхали, были очень велики: въ нихъ сразу можетъ проѣхать 5 каретъ.

Переднее зданіе отстоитъ до дворца на нѣсколько саженей. Дворъ весь замощенъ каменными плитами. Во дворѣ дворца насъ ждали придворные чиновники. Мы покинули свои кареты и послѣдовали за этими чиновниками.

Пройдя дворъ, мы поднялись по каменной, довольно крутой, лѣстницѣ дворца, мы сначала попали въ нижній этажъ, откуда насъ провели въ пріемную залу, находящуюся въ 3 этажѣ.

Во всѣхъ тѣхъ комнатахъ, которыя проходили мы, стояли многочисленные придворные.

Красоту пріемной залы трудно описать. На стѣнахъ ея висѣли роскошныя картины, полы были застланы мягкими коврами, подобныхъ которымъ мы отъ—роду не видѣли; возлѣ стѣнъ стояли различныя золотыя и серебряныя украшенія.

Намъ пришлось немного обождать въ пріемномъ залѣ.

За это время придворные церемоніймейстеры успѣли объяснить намъ, какъ слѣдуетъ намъ себя держать, когда въ залу войдетъ русскій Государь.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ сопровожденіи министра иностранныхъ дѣлъ, князя Румянцева, въ пріемную залу вошелъ

самъ Императоръ. Онъ шелъ впереди съ вдовствующей Императрицей, затѣмъ Императрица съ братомъ Императора.

Войдя въ залъ, Императоръ со своимъ Августѣйшимъ Семействомъ изволилъ сѣсть въ кресла.

Присутствіе возлѣ насъ самого русскаго Императора повергло всѣхъ насъ въ большую робость.

Мы всѣ машинально опустились на колѣни и низко склонили къ землѣ головы.

Тогда придворные чиновники сказали намъ:

— Церемоніи въ Россіи при встрѣчахъ съ Императоромъ не тѣ, что въ Японіи, и у насъ не принято становиться на колѣни.

Тогда мы поднялись и отвѣсили низкій поклонъ Государю.

Въ это же время вдовствующая Императрица изволила поближе подойти къ намъ и стала пристально разсматривать насъ и наши національные костюмы.

Затѣмъ, вдовствующая Императрица любезно стала намъ объяснять, что рядомъ съ Императоромъ сидитъ его супруга, а подальше братъ Императора.

Послѣ этого къ намъ подошелъ самъ Императоръ и сказалъ:

— Вы ужъ давно живете въ Россіи, навѣрно, васъ тянетъ къ себѣ на родину, —въ Японію.

Мы замѣшались и не знали, что отвѣтить Императору на эти милостивыя слова ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА *).

Видя наше замѣшательство, къ намъ подошелъ министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Румянцевъ, и сказалъ:

— Не бойтесь, если Государь спрашиваетъ васъ о желаніи, то вы, не стѣсняясь, и отвѣчайте ему.

Тогда мы доложили Императору, что 6 человѣкъ изъ насъ желаетъ остаться въ Россіи, а 4 желало бы возвратиться въ Японію.

Узнавъ о нашемъ желаніи, Государь кивнулъ головой и снова изволилъ произнесть:

— Хорошо, я охотно исполню всѣ ваши желанія и 4 изъ васъ отправлю въ Японію.

На этомъ и кончилась наша аудіенція у русскаго Императора.

Въ этотъ день на Государѣ былъ военный суконный мундиръ темнозеленаго цвѣта. На лѣвой сторонѣ мундира были серебряные аксельбанты.

*) Въ Японіи непосредственно отвѣчать Императору могутъ лишь лица въ чинахъ не ниже тайнаго совѣтника, вице-адмирала и генералъ-лейтенанта. Всѣ же остальные отвѣчаютъ на слова Императора черезъ гофмейстера. *(Примѣч. переводчика.)*

Государю Александру Павловичу было тогда 27 лѣтъ.

Государынѣ-Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ 23 года.

Изъ Иркутска всего выѣхало 13 человѣкъ, изъ которыхъ 3 заболѣло и умерло по дорогѣ изъ Иркутска въ Петербургъ.

Головы, какъ Императрицъ, такъ и всѣхъ придворныхъ дамъ, были сильно напудрены. Въ ушахъ были серьги съ драгоцѣнными камнями.

Спустя нѣсколько дней послѣ нашей аудіенціи, отъ нѣкоторыхъ придворныхъ мы узнали, что попали изъ Иркутска въ Петербургъ исключительно по хлопотамъ нашего покровителя князя Румянцева, очень разумнаго, добраго и предусмотрительнаго.

По его совѣту Императоръ Александръ Павловичъ и вытребовалъ насъ изъ Иркутска

Какъ намъ удалось узнать въ Петербургѣ, князь Румянцевъ думалъ, что по завѣту перваго русскаго Императора, Петра Великаго, въ будущемъ Россіи должна будетъ сильно расширить свои владѣнія на Востокѣ Сибири и придвинуть свои владѣнія поближе къ Японіи и Китаю.

Въ виду этихъ соображеній князя Румянцева, Россіи и нужно было завязать съ Японіей дружественныя сношенія.

Незадолго до нашего прибытія въ Петербургъ, Россія посылала въ Японію своего посланника, но въ Японію его не допустили. Но если посланникъ не могъ попасть въ Японію, то Румянцевъ считалъ очень удобнымъ случаемъ отнестись съ нами ласково и предоставить намъ всевозможныя удовольствія и развлеченія. Все это дѣлалось имъ для того, чтобы мы, по пріѣздѣ въ Японію, смогли бы повѣдать своему правительству и народу о радушномъ пріемѣ насъ Россіей, что, конечно, могло благопріятно отразиться на дальнѣйшихъ дружественныхъ сношеніяхъ между обоими гостдарствами.

Потому то князь Румянцевъ и принялъ насъ такъ радушно и встрѣтилъ насъ, простыхъ японскихъ моряковъ, какъ какихъ нибудь важныхъ государственныхъ людей.

Во время нашего пребыванія въ Петербургѣ князь Румянцевъ часто совершалъ съ нами прогулки по городу, показывая могущество Россіи и красоты ея столицы Петербурга. Онъ насъ возилъ показывать намъ, какъ поднимается къ небу огромный шаръ изъ матеріи, наполненный дымомъ; затѣмъ разные музеи, въ которые собрано много рѣдкихъ вещей, издѣлій и разныхъ моделей съ животныхъ; затѣмъ мы съ нимъ побывали въ особомъ зданіи, гдѣ въ особые приборы наблюдаютъ за разными явленіями на небѣ.

Спустя недѣлю послѣ аудіенціи у Императора, мы были приглашены на маневры войскъ.

Русскіе войска одѣты совсѣмъ иначе, чѣмъ наши, и очень ловко и проворно могутъ продѣлывать разныя воинскія упражненія.

Мы были поражены всѣмъ видѣннымъ.

Вскорѣ насъ пригласили посмотрѣть на дворецъ, находящійся въ городѣ, называемомъ Царское Село.

Царское Село отстоитъ отъ Петербурга въ 28 верстахъ.

Царско сельскій дворецъ окруженъ со всѣхъ сторонъ желѣзнымъ заборомъ.

На дворѣ дворца устроенъ огромный прудъ, на которомъ плаваетъ модель трехналубнаго корабля съ пушками. Модель велика и на ней можетъ помѣститься нѣсколько человѣкъ.

Затѣмъ, на дворцовомъ дворѣ находится красивая громадная стеклянная теплица, гдѣ произрастаютъ въ горшкахъ различные цвѣты.

Въ самый дворецъ мы не попали, но зато осмотрѣли дворцовый театръ.

Длина сцены въ этомъ театрѣ—около 10 саженей. Въ театрѣ горѣло множество свѣчей и было свѣтло, какъ днемъ.

Мѣста для Государя и его семейства устроены какъ разъ напротивъ сцены. Внутри театръ очень чудно убранъ разными матеріями и красиво раскрашенъ.

Возлѣ дворца садъ съ разными рѣдкими деревьями, породъ многихъ изъ которыхъ мы до сихъ поръ никогда раньше не видали.

Послѣ возвращенія изъ Царскаго Села намъ въ Петербургѣ показывали громадное зданіе, гдѣ помѣщается дѣтскій пріютъ. Пріютъ этотъ устроенъ по милости Государя для дѣтей бѣднѣйшихъ жителей столицы, которые сами не въ состояніи воспитывать своихъ дѣтей. Бѣдные жители приходятъ вечеромъ къ этому пріюту и стучатъ. Тогда открывается окно и изъ него высовывается ящикъ, въ который жители кладутъ своего ребенка съ запиской. Въ запискѣ онѣ пишутъ, когда родился ребенокъ и какъ его звать.

Въ пріютѣ много нянекъ, которыя кормятъ грудныхъ дѣтей.

Когда дѣти подрастаютъ, они воспитываются на казенный счетъ.

Показывали въ Петербургѣ намъ также огромный театръ. Внутри этого театра устроена круглая зала, полъ которой постепенно повышается. Это сдѣлано для того, чтобы и

сзади сидящіе зрители одинаково хорошо могли видѣть все то, что происходитъ на сценѣ.

Въ этомъ театральномъ залѣ можетъ свободно помѣститься болѣе 1000 зрителей. По серединѣ зала виситъ огромный подсвѣчникъ, въ которомъ горитъ множество свѣчъ.

Въ театральномъ залѣ очень свѣтло.

На сценѣ играли и танцевали роскошно одѣтыя русскія красавицы.

Послѣ этого намъ показывали многіе громадные храмы, гдѣ служители одѣты въ золотыя одежды. Одна изъ сторонъ храма увѣшана золотыми картинами съ изображеніемъ разныхъ русскихъ боговъ.

Потомъ мы видѣли многіе учебныя заведенія, военныя суда, парки, однимъ словомъ, намъ показывали все то, что имѣется въ Петербургѣ интереснаго и замѣчательнаго.

Все, здѣсь нами увидѣнное, поражало насъ.

Намъ казалось, что мы все это или видимъ во снѣ, или насъ перенесли въ какое-то новое волшебное царство.

5-го іюня князь Румянцевъ объявилъ намъ, что въ скоромъ времени въ Японію отправляется посланникъ Лесанетъ и мы можемъ возвратиться на одномъ съ нимъ суднѣ къ себѣ на родину.

Мы заплакали отъ радости, услыша отъ князя это извѣстіе.

Да и какъ было не плакать, когда осуществлялось то, о чемъ мы не смѣли даже мечтать въ продолженіе многихъ долгихъ лѣтъ ..

Въ тотъ же день мы посѣтили посланника Лесанета. Онъ уже былъ готовъ къ отъѣзду.

12 іюня 1803 года мы выѣхали изъ Петербурга.

Утромъ этого дня мы ходили ко всѣмъ своимъ знакомымъ и хлопотали о судьбѣ шести нашихъ товарищей, оставшихся въ Россіи, а также проститься и благодарить за всѣ тѣ милости, которыя оказывали намъ русскіе во время нашего пребыванія въ Петербургѣ.

Въ полдень мы вышли изъ дома князя и пришли на берегъ рѣки Невы. Здѣсь насъ уже ждалъ небольшой корабль, принявшій насъ и нашъ грузъ. На этотъ корабль мы сѣли съ тремя служащими изъ дома князя и съ нашимъ переводчикомъ Сенчо.

Корабль пошелъ внизъ по рѣкѣ. Ширина рѣки Невы все постепенно увеличивалась.

Когда мы, проѣхавъ 25 верстъ, доѣхали до Кронштадта, то уже были въ заливѣ. Прибывающія въ столицу и уходящія изъ нея суда непрерывно бороздятъ здѣшнія воды и дѣлаютъ это мѣсто очень оживленнымъ.

Наше судно стояло въ Кронштадтѣ до 15 іюня.

Отъ берега порта въ море тянется каменная пристань, длиною около 2 ри. За пристанью устроенъ на морѣ искусственный фортъ, длиною около 3 ри и шириною около $1^1/_2$ ри. Фортъ этотъ сильно укрѣпленъ со всѣхъ сторонъ. Внутри этого форта находится военный портъ. Въ военный портъ суда могутъ входить только черезъ особые проходы; такихъ проходовъ въ переднемъ фасадѣ форта шесть.

Въ военномъ портѣ стояло нѣсколько военныхъ судовъ. На фортѣ стоятъ громадныя пушки, возлѣ которыхъ лежитъ много снарядовъ.

Въ фортѣ находится и адмиралтейство.

Недалеко отъ форта лежитъ островъ, небольшой, но хорошо укрѣпленный со всѣхъ сторонъ. На трехъ сторонахъ этого острова поставлены укрѣпленія. На островѣ много построекъ; здѣсь, говорятъ, до 2000 домовъ.

Возлѣ острова стояло множество разныхъ судовъ, прибывшихъ изъ разныхъ иностранныхъ государствъ. Изъ высокихъ мачтъ ихъ образовывался точно лѣсъ. Но среди всѣхъ этихъ судовъ выдѣлялся своей громадной величиной одинъ корабль, съ котораго ежедневно, по утрамъ и по вечерамъ, стрѣляли изъ пушки холостыми зарядами.

Какъ намъ объяснили русскіе, этотъ корабль своими выстрѣлами даетъ знать: по утрамъ,—что наступило 8 часовъ, вечерами,—что зашло солнце. На обязанности этого корабля лежитъ также осмотръ всѣхъ приходящихъ сюда иностранныхъ судовъ.

15 іюня 1893 года судно наше покинуло Кронштадтъ. Мы оставили гостепріимно принявшую насъ Россію, проживъ въ ней болѣе 10 лѣтъ.

Путь нашъ былъ черезъ Балтійское и Сѣверное море до Атлантическаго океана, затѣмъ на югъ до Африки, откуда мы поплыли на западъ, до Бразиліи; обогнувъ мысъ Горнъ, мы вышли въ Тихій океанъ.

Затѣмъ, плывя вблизи береговъ Америки, мы съ юга поднялись высоко на сѣверъ, пересѣкли экваторъ, послѣ долгаго пути вошли въ сѣверныя воды и на Камчатку, откуда спустились на югъ и попали въ Японію.

Въ Нагасаки мы благополучно прибыли въ концѣ августа 1804 года, пробывъ, такимъ образомъ, въ пути больше года и 2 мѣсяц.

Изъ Кронштадта до Нагасаки мы прошли болѣе 20000 миль.

Петръ Чечинъ.

ПАМЯТИ ИРКУТЯНИНА—ПИСАТЕЛЯ С. С. ШАШКОВА.

(Біографическій очеркъ)

28-го августа м. г. исполнилось тридцатилѣтіе со дня смерти писателя—сибиряка Серафима Серафимовича Шашкова.

Предками его были крестьяне села Кутулика, заселеннаго при Петрѣ Великомъ семьями стрѣльцами; хотя дѣдъ Шашкова служилъ пономаремъ, а три дяди дьячками, но всѣ они почти ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ; одного дядю какой-то исправникъ даже высѣкъ плетьми.

Отецъ С. С. Шашкова воспитывался въ Иркутской бурсѣ 1820 – 30 годовъ. Обладая превосходнымъ теноромъ, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ пѣвцовъ и задолго до окончанія курса былъ опредѣленъ регентомъ архіерейскаго хора. По выходѣ изъ семинаріи, служилъ священникомъ сперва въ Богоявленскомъ соборѣ, потомъ въ Преображенской церкви и въ продолженіе многихъ лѣтъ оставался регентомъ. Онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ къ архіепископу Нилу. Состоялъ законоучителемъ въ училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей и учителемъ пѣнія въ дѣвичьемъ монастырѣ.

О. Серафимъ представлялъ изъ себя рѣдкое между тогдашнимъ духовенствомъ явленіе по своей начитанности; хорошо былъ знакомъ съ литературой, слѣдилъ за журналами. Превосходно игралъ на скрипкѣ, віолончели, гитарѣ и фортепьяно, отлично пѣлъ, былъ даже композиторомъ и въ молодости писалъ недурно стихи. Отличался добродушнымъ характеромъ, но былъ страшно вспыльчивъ и не изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ составлять карьеру. Поэтому цѣлую жизнь боролся съ нуждой, усиливавшейся по мѣрѣ увеличенія семейства и постепенно отдавался страсти къ вину.

Мать С. С. Шашкова была изъ извѣстнаго купеческаго рода Сибиряковыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ депутатомъ отъ Иркутска въ Екатерининскую комиссію для сочиненія про-

экта новаго уложенія, а позднѣе Михаилъ и сынъ его Ксенофонтъ былъ иркутскими городскими головами и прославились упорною, отчаянною борьбою съ мѣстною администраціей въ лицѣ Нестеля и Трескина, за что одинъ изъ нихъ былъ даже сосланъ.

Серафимъ Серафимовичъ Шашковъ родился въ Иркутскѣ 5 ноября 1841 года и до двадцати лѣтъ никуда изъ города не выѣзжалъ. Дѣтство провелъ въ отцовскомъ домѣ, предоставленный самому себѣ, игралъ съ подростками товарищами, бѣгалъ на Ушаковку и Ангару ловить рыбу, смотрѣлъ, какъ учили и наказывали шпицрутенами солдатъ, ходилъ въ лѣсъ ловить птицъ и т. д. Такое вольное дѣтство, близость къ природѣ и жизни, развили въ немъ живой и пытливый умъ; между сверстниками онъ отличался смѣтливостью и знаніями. Когда ему минуло семь лѣтъ, мать показала ему буквы и черезъ часъ онѣ были имъ уже выучены, на другой день онъ зналъ склады, а на третій читалъ.

Отецъ былъ удивленъ способностями сына и, не желая отдавать его въ бурсу съ ея тяжелыми нравами и обычаями и въ то же время не имѣя средствъ учить сыновей (былъ еще младшій) въ гимназіи, требовавшей платы за ученіе и расходовъ по обмундировкѣ, рѣшилъ учить сначала дома, чтобы отдать прямо въ «словесность», т. е. первый классъ семинаріи, минуя четыре класса духовнаго училища. Но отецъ С. С. былъ плохой учитель, а потому его сыновья больше шалили и играли на улицѣ, чѣмъ занимались уроками, но во всякомъ случаѣ эта уличная жизнь была лучше бурсы, она не давила хорошихъ задатковъ будущаго писателя. Шашковъ росъ свободно, былъ религіозенъ, читалъ все, что только приходилось доставать у знакомыхъ отца и у товарищей. Отецъ доставалъ сыну нужныя учебныя книги: латынь, греческій языкъ, русскую грамматику и предоставилъ сыну учиться, какъ онъ желаетъ.

Подготовляя сына дома, отецъ долженъ былъ ежегодно представлять его въ духовное училище на экзаменъ, но и этого не дѣлалъ, тѣмъ болѣе, что смотритель училища преспокойно выдавалъ свидѣтельство о переводѣ въ слѣдующій классъ.

Наступилъ 1853 годъ, послѣдній заочнаго ученія въ бурсѣ, черезъ годъ нужно было поступать въ семинарію, а для этого необходимо было держать экзаменъ наравнѣ съ бурсаками.

Для лучшей подготовки къ экзамену С. С. былъ сданъ въ уѣздное духовное училище, куда и началъ ходить два раза въ день. Отецъ Шашкова своимъ вліяніемъ, а также зна-

комствомъ съ училищнымъ начальствомъ достигъ того, что ему обѣщано было освободить его сына отъ порки, которая тогда часто примѣнялась, какъ наказаніе за проступки.

Обучали тогда въ училищѣ плохо; человѣкъ десять одноклассниковъ вовсе не учились и уроковъ съ нихъ учителя никогда не спрашивали. Это были такъ называемые *камчадалы*, все великовозрастные, лѣтъ по 30, жирные, здоровые, дѣтины «неподобѣдимой злобы», какъ объ нихъ выражался «Духовный Регламентъ».

Въ концѣ 1854 года С. С. былъ переведенъ въ семинарію, въ которой учиться было труднѣе по одному уже тому, что большая часть учебниковъ была рукописной и заданные уроки приходилось сначала переписывать, хотя, впрочемъ, Шашковъ въ большинствѣ случаевъ успѣвалъ приготовляться по чужимъ тетрадямъ.

Лучшими учителями въ семинаріи были Иванъ Петровичъ Токаревъ, преподаватель математики, страшно вспыльчивый, Михаилъ Васильевичъ Загоскинъ, преподаватель исторіи, и Даманскій, преподователь словесности. Эти учителя читали ученикамъ въ классѣ выдающіяся произведенія современныхъ писателей и подъ секретомъ отъ начальства давали лучшимъ изъ учениковъ и въ томъ числѣ С. С. Шашкову читать свѣтскія книги, историческія и т. п.

Шашковъ вообще читалъ много, а большинство учениковъ только долбили, зубрили уроки и имъ было не до чтенія посторонннихъ книгъ. Близкимъ товарищемъ его былъ Н. Н. Запольскій, учившійся курсомъ ниже, впослѣдствіи Петербургскій педагогъ.

Въ 1857 году отецъ Шашкова вышелъ въ отставку и опредѣлился регентомъ купеческаго хора въ Кяхтѣ. С. С. остался въ Иркутскѣ и сталъ жить у воспитателя семинаріи Н. Н. Попова, имѣвшаго свою библіотеку. Жизнь С. С. теперь стала свободнѣе, чѣмъ въ отцовскомъ домѣ; онъ сталъ бывать въ театрѣ, и записался подписчикомъ въ публичную библіотеку Шестунова. Въ библіотекѣ собирался интеллигентный кружокъ, въ которомъ обсуждались различные общественные вопросы. С. С., читая газеты, часто слышалъ изъ сосѣдней комнаты интересныя для него бесѣды членовъ кружка. Семнадцатилѣтнимъ юношей С. С. былъ очень развитымъ, начитаннымъ. Съ этого возраста онъ, кромѣ стиховъ и сатиръ, началъ писать статьи общественнаго направленія, напр. въ 1858 году онъ помѣстилъ за своей подписью въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ очеркъ «Буряты Иркутской губерніи, ихъ нравы, обычаи, вѣрованія, легенды». Загоскинъ и

Даманскій испугались за своего ученика, ожидая, что ему «достанется» за эту статью, напечатанную безъ разрѣшенія ректора семинаріи, который могъ увидѣть въ этомъ проявленіе либерализма....

Однако начальство на эту статью вниманія не обратило, а С. С. затѣмъ печаталъ уже безъ подписи.

Въ это время онъ серьезно и усиленно занимался по сибирской исторіи.

По успѣхамъ Шашковъ всегда былъ *первымъ* и на лучшемъ счету, но благоповеденіемъ не отличался.

Съ переходомъ въ богословскій классъ С. С. вмѣстѣ съ нѣсколькими другими товрищами былъ посвященъ въ стихарь и дважды говорилъ проповѣдь въ церкви.

Въ 1860 году онъ первымъ кончилъ курсъ и на казенный счетъ посланъ въ Казанскую духовную академію, куда онъ пріѣхалъ въ сентябрѣ, выдержалъ вступительный экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ семинарскаго курса, а ихъ было до сорока.

Академія переживала въ то время періодъ возврата къ монастырской дисциплинѣ и схоластикѣ.

Каоедры исторіи занимали тогда талантливый Г. З. Елисѣевъ и извѣстный А. П. Щаповъ, оказавшіе значительное вліяніе на С. С. Подъ вліяніемъ этихъ профессоровъ у Шашкова постепенно стали формироваться его основныя идеи о зависимости исторіи отъ законовъ внѣшней природы. Для болѣе глубокаго изученія вопроса онъ принялся за политико-экономическія науки. Не питая склонности къ занятіямъ богословскими науками, Шашковъ мечталъ о поступленіи въ университетъ; однако въ академіи его удерживалъ Щаповъ, убѣждая продолжать занятія русской исторіей, чтобы потомъ самому занять эту каоедру.

Весною 1861 г. Щаповъ былъ переведенъ въ Петербургъ. Шашковъ рѣшилъ уйти изъ академіи и сталъ проситься объ опредѣленіи его въ число студентовъ, состоявшихъ въ то время при духовной миссіи въ Петербургѣ, получавшихъ послѣ шестилѣтней службы порядочную пенсію, на которую Шашковъ надѣялся подготовиться къ литературной дѣятельности. Елисѣевъ, слышавшій отъ Щапова о талантливомъ юношѣ, предложилъ Шашкову переселиться въ Петербургъ, чтобы слушать университетскій курсъ и работать въ его журналѣ «Мірской толкъ», который, впрочемъ, не былъ разрѣшенъ.

Шашковъ уѣхалъ въ Петербургъ въ 1862 году и поступилъ въ университетъ. Недостатокъ средствъ лишилъ его возможности

всецѣло отдаться наукѣ. Ради куска хлѣба онъ вынужденъ былъ заняться литературою, именно, работалъ въ журналахъ «Вѣкъ», «Искра», «Очерки» и «Современное Слово»,—помѣщая въ нихъ статьи о родной Сибири. Литературный заработокъ былъ крайне незначителенъ и Шашкову приходилось сильно бѣдствовать, ходить иногда безъ подошвъ, не обѣдать мѣсяца по два. Голодная жизнь, какъ и слѣдовало ожидать, разстроила его здоровье.

Въ 1863 году, воспользовавшись удобнымъ случаемъ. Шашковъ уѣхалъ въ Сибирь повидаться съ родителями. Побывавъ въ Иркутскѣ и Кяхтѣ, онъ поселился въ Красноярскѣ, гдѣ въ компаніи съ нѣсколькими другими лицами открылъ школу съ гимназическимъ курсомъ, но черезъ годъ пришлось ее закрыть.

Въ свободное время Шашковъ занимался изслѣдованіемъ и изученіемъ матеріаловъ по сибирской исторіи. Результатомъ этихъ изслѣдованій были публичныя лекціи о прошломъ Сибири, которыя Шашковъ читалъ въ 1864 году въ Красноярскѣ и въ началѣ 1865 года въ Томскѣ. Лекціи его посѣщала масса публики, особенно молодежь. Интересъ лекцій заключался въ томъ, что изъ нихъ сибиряки впервые узнавали частичные эпизоды изъ исторіи своей родины, онъ говорилъ живымъ, увлекательнымъ языкомъ; но оживленіе, которое внесли эти лекціи въ сонную жизнь сибирскаго общества, скоро смѣнилось унынiемъ: въ скоромъ времени Шашкову было запрещено ихъ читать.

Объ этихъ лекціяхъ Ядринцевъ въ то время писалъ: «Лекціи были превосходны. Послѣ историческихъ очерковъ, Шашковъ переходилъ къ положенію общества, къ его нуждамъ, говорилъ объ эмансипаціи народа, рабствѣ котораго и горькую судьбу очерчивалъ въ прошлой исторіи, говоря о жизни невѣжественной страны и отсутствіи сознательной жизни, затѣмъ переходилъ къ доказательствамъ о необходимости университета (это было зимой 1865 г.), о грядущемъ Сибири. Въ это время Шашковъ былъ исполненъ одушевленія и превращался въ страстнаго оратора. Лекціи его производили потрясающее впечатлѣніе и прорывались громомъ аплодисментовъ; публика жила съ лекторомъ. Конецъ лекцій прорывался цѣлымъ громомъ одобреній. Мы, конечно, находились также подъ обаяніемъ этихъ лекцій; радовались, какъ товарищи, но такъ какъ онъ былъ единомышленникомъ и представителемъ нашихъ идей, то это былъ и нашъ тріумфъ, и самый счастливый.»

Получивъ отъ лекцій кое-какую сумму, Шашковъ собирался ѣхать снова въ Петербургъ, чтобы кончить университетскій

курсъ, но въ это время умеръ его отецъ, мать осталась съ семействомъ безъ всякихъ средствъ и Шашкову пришлось ѣхать въ Кяхту.

Лекціи С. С. послужили поводомъ къ его аресту и отправкѣ въ Омскъ, гдѣ въ то время производилось извѣстное дѣло о сибирскомъ «сепаратизмѣ».

Въ Омскѣ Шашковъ провелъ около трехъ лѣтъ, которые были имъ употреблены на изученіе англійскаго и нѣмецкаго языковъ и вообще на расширеніе познаній. Отсюда онъ былъ сосланъ въ Шенкурскъ, глухой уѣздный городокъ Архангельской губерніи. Тутъ онъ прожилъ пять лѣтъ и женился. Холодно-морской климатъ Шенкурска оказался вреднымъ для здоровья Шашкова. Какъ то разъ онъ сильно простудился и нажилъ неизлечимое страданіе спиннаго мозга, вслѣдствіе чего прогрессивно развивалось разстройство органовъ движенія, особенно ногъ. Изъ Шенкурска по собственному желанію онъ переселился въ г. Бобровъ Воронежской губерніи. Въ 1874 году тяготѣвшій надъ Шашковымъ полицейскій надзоръ былъ снятъ и онъ получилъ право избрать себѣ свободное мѣстожительство. С. С. поселился въ Новгородѣ.

Годы судебныхъ скитаній и ссылки, плохія матеріальныя условія жизни, непомѣрная литературная работа, отсутствіе всякихъ удобствъ расшатали и безъ того некрѣпкое здоровье Серафима Серафимовича. Но несмотря на все это, онъ работалъ, какъ немногіе, упорно, усидчиво, читая массу книгъ, составляя множество статей по разнымъ вопросамъ. Это былъ вполнѣ добросовѣстный труженикъ писатель, обладавшій большой начитанностью и памятью. Онъ былъ сотрудникомъ многихъ періодическихъ изданій, но главнымъ образомъ работалъ въ журналѣ „Дѣло", гдѣ первой его статьей былъ очеркъ „Сибирскіе инородцы въ XIX столѣтіи". Рѣдкая книжка этого журнала съ 1867 года обходилась безъ какой-нибудь статьи Шашкова, немало содѣйствовавшаго успѣху этого изданія.

А самъ попрежнему терпѣлъ нужду и не имѣлъ гроша на черный день. Отдѣльныя изданія его сочиненій, вынужденныя въ 1871, 1875 и 1879 годахъ, приносили барышъ не ему, а издателямъ. Такъ, говорятъ, за одно изъ нихъ онъ получилъ всего 175 руб. деньгами и на 175 руб. разныхъ книгъ. Между тѣмъ, сочиненія его быстро раскупались и издатели наживались.

Проживая въ Новгородѣ съ 1875 года, С. С. былъ уже совершенно больнымъ человѣкомъ, хотя ему было только 34

года: параличъ постепенно прогрессировалъ, ноги начали сохнуть и только съ помощью палки онъ едва могъ перейти отъ стула къ стулу, ежеминутно рискуя упасть и сломать ногу. Кромѣ того, съ нимъ часто случались припадки, отъ которыхъ онъ ложился въ постель на нѣсколько дней. Гнетущая нужда не давала возможности ему даже и похворать: онъ нанималъ писца и, лежа въ постели, диктовалъ ему статьи.

Въ концѣ 1880 года онъ задумалъ написать и затѣмъ напечатать отдѣльно книгу «Исторія европейскаго крестьянина»; отдѣльныя главы этого сочиненія были напечатаны въ «Словѣ», «Устояхъ», «Русской Мысли» и «Дѣлѣ», но дожить до осуществленія своего желанія С. С. не пришлось. Смерть постепенно, но вѣрно приближалась и 28 августа 1882, въ 7 часовъ вечера, онъ тихо скончался, имѣя отъ роду только 40 лѣтъ 9 мѣс. и 23 дня. 31 августа были похороны: Дѣло покойнаго сопровождалъ небольшой кружокъ лицъ. Вечеромъ въ день погребенія прибылъ другъ умершаго, редакторъ журнала «Дѣло» П. В. Шелгуновъ. Вдова покойнаго наканунѣ похоронъ получила двѣ теплыя телеграммы отъ учащихся сибиряковъ и сибирячекъ и отъ студентовъ медицинской академіи. На крышку гроба былъ возложенъ скромный вѣнокъ съ двумя саговыми пальмами и надписью на бѣлой лентѣ: «Честному борцу пера С. С. Шашкову». На могилѣ присяжный повѣренный Передольскій и еще одинъ изъ присутствовавшихъ сказали экспромтомъ рѣчи, вызванныя, видимо, подавляющею обстановкой. Тема этихъ рѣчей — неприглядная судьба русскаго писателя, весь вѣкъ работающаго въ потѣ лица во имя одной любви къ правдѣ, работающаго безъ устали до послѣдней минуты и умирающаго едва не нищимъ.

Послѣ покойнаго остались неизданныя рукописи и между ними «словарь русскихъ писателей XVII—XIX вѣковъ».

Покойнымъ было написано для журналовъ болѣе тысячи различныхъ статей. Онъ былъ талантливымъ компиляторомъ; особенность его таланта заключалась въ умѣньѣ проводить параллели между отдаленными историческими событіями и настоящимъ моментомъ. Почти всѣ крупныя работы по русской исторіи и литературѣ вызывали его на статьи, выводы этихъ изслѣдованій получали въ нихъ особое освѣщеніе, примѣнительно къ данному моменту. Съ особеннымъ искусствомъ во всѣхъ своихъ статьяхъ Шашковъ находилъ средства говорить о темныхъ сторонахъ современной жизни. Компиляціи его всегда основывались на добросовѣстномъ изученіи матеріала, отличались простотой изложенія и яс-

простью основныхъ идей и пользовались поэтому большимъ распространеніемъ особенно въ средѣ самообразовывающейся молодежи того времени.

Статьи Шашкова дѣлятся на три отдѣла:

А. Изслѣдованія по *исторіи и этнографіи Сибири*: Буряты Иркутской губерніи, Амурскій вопросъ въ 1861 г., Очерки Сибири, Россійско-Американская компанія, Шаманство въ Сибири, Восточныя окраины, Матеріалы по исторіи сѣверо-восточной Сибири XVIII в., Очерки русскихъ нравовъ и старой Сибири, Рабство въ Сибири, А. И. Щаповъ, Сибирскіе инородцы XIX в., Иркутскій погромъ въ 1758—1760 г. г., Сибирское общество въ началѣ XIX в., Сибирь на юбилеѣ трехсотлѣтія. Всѣ эти труды занимали важное мѣсто въ литературѣ о Сибирѣ.

Б. Очерки по вопросамъ *общей исторіи*: Движеніе русской общественной мысли въ началѣ XIX в., Н. И. Новиковъ и его журнальная дѣятельность, Очерки первобытной жизни и мысли, Эпоха Бѣлинскаго, Вырожденіе Востока, Крестьяне въ Германіи и нѣмецкая Швейцарія, Недуги русскаго общества въ XVIII и началѣ XIX вѣка, Старая и новая Испанія, Судьбы Ирландіи, Эдмундъ Бернъ, Газетная пресса въ Англіи, Русская реакція съ 1698 по 1861 годъ.

В. Труды по *женскому* вопросу: Историческія судьбы женщины и очерки по исторіи русской женщины.

Трудъ этотъ считается до сихъ поръ чуть-ли не единственнымъ въ русской литературѣ капитальнымъ трудомъ по исторіи женскаго вопроса, въ которомъ авторъ выступилъ горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ женскаго равноправія во всѣхъ областяхъ общественной жизни, искреннимъ другомъ и защитникомъ женщины. Трудъ этотъ и въ настоящее время не утратилъ своего значенія и читается съ интересомъ.

Въ исторіи Сибири имя С. С. Шашкова стоитъ на ряду съ крупными именами Н. М. Ядринцева, М. В. Загоскина, А. И. Щапова, Г. Н. Потанина.

Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ Шашковъ ярко выражалъ надежды лучшихъ элементовъ сибирскаго общества, но въ наши дни свѣтлое имя Шашкова почти забыто.

Въ „Петербургскомъ Листкѣ“ было напечатано стихотвореніе, посвященное памяти С. С. Шашкова вполнѣ характеризующее его дѣятельность:

Еще одинъ, изъ дорогихъ отчизнѣ,
Еще одинъ мыслитель опочилъ.
Еще боецъ покинулъ ниву жизни,
Еще талантъ дань смерти заплатилъ.

Труду, борьбѣ святой, но непосильной,
Онъ жизнь свою сурово посвящалъ,
Боролся онъ съ неправдою всесильной,
Участіе къ страдальцамъ призывалъ.

Народа онъ будилъ самосознанье,
Мысль отъ цѣпей, оковъ освобождалъ,
И указалъ онъ женщинѣ призванье
И всѣмъ любви примѣръ высокій далъ.

Надломленный работою громадной,
Одной ногой въ могилѣ онъ стоялъ,
Но съ лихорадочной энергіей и жаждой,
Онъ ни на мигъ труда не покидалъ.

И умеръ онъ. Да, торжествуй, могила:
Пророка ты въ объятья приняла...
Вновь плачемъ мы... Какая скрылась сила...
Кого земля безжалостно взяла!

Въ „Сибирской Газетѣ“, издававшейся въ г. Томскѣ, было напечатано слѣдующее стихотвореніе:

Хвала тебѣ, мыслитель благородный!
Ты честно жилъ, и свой талантъ свободный
Ты дѣлу правды посвятилъ!

Любовь къ труду, участіе къ страданью,
Идеи свѣтлыя, свой геній знанья
Ты до могилы сохранилъ!

Своею мыслью, вдохновеннымъ словомъ,
На нашемъ жизненномъ пути суровомъ,
Ты русскихъ женщинъ ободрилъ.

И здѣсь, на родинѣ твоей холодной,
И здѣсь твой голосъ сильный, благородный,
Въ насъ чувства лучшія будилъ.

Ты умеръ бѣднякомъ; свои богатства:
Идеи долга, истины и братства
Оставилъ намъ, семьѣ-жъ своей—

Лишь имя честное. Ужель Россія
Забудетъ подвиги твои святые,
Забудетъ и твоихъ дѣтей? ..

Н. Мокѣевъ.

Частные музеи въ Семипалатинской области.

Кромѣ областного музея при Семипалатинскомъ Географическомъ Подъотдѣлѣ, въ области существуетъ еще нѣсколько частныхъ музеевъ, созданныхъ личными усиліями и средствами разныхъ любителей старины и природы.

Въ настоящей замѣткѣ мы намѣрены дать краткія свѣдѣнія объ этихъ музеяхъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить музей любителей-археологовъ братьевъ В. Н. и А. Н. Бѣлослюдовыхъ въ г. Семипалатинскѣ. Музей собирается ими съ 1906 года. Хозяева его значительную часть своего учительскаго*) жалованья тратятъ на пріобрѣтеніе музейныхъ предметовъ. Бѣлослюдовы относятся къ числу тѣхъ рѣдкихъ коллекціонеровъ, которые ведутъ дѣло собранія музея съ любовью и удивительною настойчивостью. Музей пополняется, какъ покупными предметами у разныхъ лицъ, такъ и личными сборами братьевъ Бѣлослюдовыхъ. Окрестности г. Семипалатинска представляютъ богатый археологическій матеріалъ. Сильными вѣтрами довольно часто выдуваетъ на поверхность земли немало цѣнныхъ предметовъ археологіи.

Обычно, послѣ бурь, Бѣлослюдовы отправляются въ окрестности Семипалатинска для сбора археологическихъ находокъ. Насколько цѣнны эти найденные возлѣ Семипалатинска предметы археологіи, видно, между прочимъ, изъ того, что Бѣлослюдовы получили на 1-й Западно-Сибирской выставкѣ въ г. Омскѣ за археологическую коллекцію изъ своего музея въ 500 предметовъ серебряную медаль.

Въ музеѣ имѣются слѣдующіе отдѣлы:

I. Геологія и минералогія
II. Палеонтологія и антропологія.
III. Доисторическая археологія.
IV. Старинныя вещи (рукописи, книги и т. п.).

*) В. Н. Бѣлослюдовъ состоитъ учителемъ искусствъ въ Семипалатинскихъ 5-ти и 4-хъ классныхъ городскихъ училищахъ, А. Н. Бѣлослюдовъ учительствуетъ въ сельской школѣ Змѣиногорскаго уѣзда, Томской губерніи.

V. Нумизматика.
VI. Этнографія.

1. Геологія и минерологія.

Въ этомъ отдѣлѣ имѣется коллекція минераловъ и горныхъ породъ (100 шт.) съ Урала; содержатся по системѣ профес. Дэна. Кромѣ того собрано довольно большое разнообразіе горныхъ породъ изъ Семипалатинской области: всевозможные сланцы (есть дендриты), полевой шпатъ, гранитъ, кварцъ, порфиръ, мраморъ, известнякъ, образцы рудъ—мѣдный колчеданъ, желѣзняковыя руды, конгломератъ и т. д. Всего 350 штукъ.

2. Палеонтологія и антропологія.

Второй отдѣлъ представленъ главнымъ образомъ костями мамонта (части клыковъ, бедренныя кости и т. п.), костями первобытнаго быка (Bos priscus), черепными человѣческими коробками и сланцами съ отпечатками раковинъ. Всѣ предметы найдены въ области, на Алтаѣ и сосѣднемъ съ Семипалатинской областію Змѣиногорскомъ уѣздѣ Томской губ. Въ этомъ отдѣлѣ числится 40 предметовъ.

III. Доисторическая археологія.

Отдѣлъ очень богатъ. Одно перечисленіе предметовъ археологіи можетъ свидѣтельствовать о цѣнности отдѣла. Вотъ эти предметы: серія каменныхъ наконечниковъ стрѣлъ, каменныя ядрица различныхъ размѣровъ, каменные скребки, каменныя орудія (шесты, колотушки), ручной жерновъ, каменная плоская чашка, молотковый метательный камень, литейныя формы для бронзовыхъ ножей, серія орнаментированной и простой глиняной посуды (черепки и цѣлые горшки), всевозможныя каменныя кружки, мѣдные наконечники стрѣлъ, мѣдные топоры, шилья, удила, бляшки, ножи, наконечники копья, дротики, кольца, кинжалъ, бубенцы, желѣзные и костяные наконечники стрѣлъ, кремневыя стрѣлки, каменные ножички, части желѣзнаго меча, бронзовыя шилья, бронзовые наконечники стрѣлъ, бронзовый обоюдоострый кинжалъ, ножикъ и т. п. Всего 600 предметовъ. Изъ числа перечисленныхъ предметовъ значительное число найдено Бѣлослюдовыми въ окрестностяхъ города Семипалатинска; остальные получены частію съ золотыхъ пріисковъ Усть-каменогорскаго уѣзда (мѣста чудскихъ разработокъ), частію изъ другихъ мѣстъ области и Змѣин. у., Томской губ..

IV. Старинныя иконы, вещи, рукописи, книги.

Четвертый отдѣлъ также представляетъ интересъ. Здѣсь можно видѣть русскіе мѣдные литые кресты, иконки и складни различныхъ размѣровъ и рисунковъ, серебряные крестики, камень съ выбитымъ изображеніемъ креста и съ несторіанской надписью: всевозможные предметы: русская мѣдная чернильница съ рельефнымъ рисункомъ (принадлежность ярыжекъ), желѣзная кольчуга, русская желѣзная швейка, стѣнное зеркало, пряничная доска, желѣзный ларчикъ, деревянный рѣзной двуглавый орелъ, кремневые пистолеты, чугунный и мѣдный подсвѣчники, литая чугунная доска съ барельефнымъ изображеніемъ Маріи Магдалины, польская сабля, огниво, чугунныя ядра, желѣзный музыкальный инструментъ въ видѣ треугольника, серьги съ бирюзой и жемчугомъ, чайникъ стиля Empire, киргизская форма для отливки пуль и другіе мелкіе предметы. Въ спискѣ рукописей и книгъ числятся слѣдующія наименованія: рукописный оракулъ, рукописная грамота временъ Царя Алексѣя Михайловича, грамота на пергаментѣ 1821 года, печатные листы изъ указовъ Императрицы Анны Іоанновны 1736—7—8 гг., сказаніе о мамаевомъ побоищѣ (*лубочная картинка съ обширнымъ текстомъ*), квитанція Иркутской губернской почтовой конторы 1828 г., дополненіе въ приказѣ общественнаго призрѣнія Колыванской губерніи 22 маія 1789 г. (рукопись), копія дѣла записаннаго «вкузнецкомъ уѣздномъ суде вжурналъ 1807 года 25 генваря», «практическая геометрія или землемеріе» (*рукописная книга конца XVIII вѣка*), мѣсяцословъ 1803 г., «Іакова Бенигна Боссюэта разговоръ о всеобщей исторіи» 1761 г., «Зрѣлище вселенны на россійскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ» 1808 г., «Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ» 1816 г., «Разговоръ съ самимъ собою г. Каракчіолли» 1817 г., «Сочиненія Ипполита Ѳедоровича Богдановича» 1809—1810 гг., «Полтава» Пушкина 1829 г., «Иванъ Выжигинъ» романъ Булгарина 1829 г., «Безмездный врачъ» сочиненіе полезное для всякаго возраста и состоянія 1830 г., «Душенька», повѣсть въ вольныхъ стихахъ 1837 г., сочиненія Озерова 1816 г., Шестьдесятъ двѣ священныя исторіи изъ Ветхаго и Новаго Завѣта 1820 г., «Россійскій атласъ изъ сорока трехъ картъ состоящій и на сорокъ одну губернію Имперію раздѣляющій», изданіе географическаго департамента 1800 г., «Гвіанскій пустынникъ» или изображеніе парижскихъ нравовъ и обычаевъ въ началѣ XIX столѣтія, сочин. Г. Жуи, 1828 г., «Судебные уставы 20 ноября 1864 года» (карманное неофиціальное изданіе), «Судебный

слѣдователь» 1861 г., рисованный Константиномъ Лыковымъ (31 марта 1830 г.) портретъ перваго Енисейскаго губернатора—сподвижника Суворова—А. И. Степанова, гравированная на мѣдной овальной доскѣ сѣверная половина звѣзднаго неба и др. Число предметовъ этого отдѣла—120.

V. Нумизматика.

Отдѣлъ нумизматики богатъ и интересенъ. Въ немъ имѣются московскія пулы, серебряныя копѣйки временъ Михаила Оедоровича, Іоанна Алексѣевича, Алексѣя Михайловича, великаго князя Іоанна и мѣдныя и серебряныя русскія монеты всѣхъ царствованій, начиная съ Петра I-го. Серебро въ слѣдующемъ счетѣ: алтынъ—1, пятачковъ 43, гривенниковъ 34, пятиалтынныхъ 16, двугривенныхъ 43, четвертаковъ 31, тридцатикопѣечниковъ 5, полтинниковъ 23, 3/4 руб. 4, рублей 74, 1 1/2 руб. 3. Золото въ слѣдующемъ количествѣ: 50 коп. 1, рублей 1, двухрублевики 2, трехрублевики 1, пятирублевики 5, 7 р. 50 к. 1, 10 р. 3, 15 р. 1. Составъ сибирскихъ мѣдныхъ монетъ—полный. Нумизматическая коллекція русскихъ монетъ разнообразится монетами, чеканенными для Молдавіи и Валахіи, Польши, Грузіи, Финляндіи (серебро и мѣдь). Изъ иностранныхъ монетъ болѣе замѣчательны 30 скифосарматскихъ и Пантикопеи, 1 бронзовая Бактрійская монета Евкратида и 1—иноагорійскихъ общинъ. Отдѣлъ нумизматики исчисляется въ 1070 штукъ, изъ которыхъ 800 монетъ русскихъ, остальныя—иностранные.

VI. Этнографія.

Въ отдѣлѣ этнографіи хорошо предетавлены вышитыя киргизскія, сартовскія, татарскія и крестьянскія полотенца съ всевозможными украшеніями и различныя принадлежности костюмовъ. Изъ числа отдѣльныхъ украшеній слѣдуетъ отмѣтить—вышивки, разукрашенные концы полотенцевъ, головные уборы и украшающіе привѣски къ нимъ—киргизскіе, татарскіе и крестьянскіе. Встрѣчаются также различные предметы домашняго обихода. Всего 90 предметовъ. Значительную цѣнность имѣетъ отдѣлъ фотографіи, картинъ и рисунковъ. Весьма интересны 100 снимковъ Семипалатинской области (виды и типы) и 100 рисунковъ и картинъ сибирскихъ художниковъ—Гуркина, Никулина, Волкова, Тарскаго, Коневой и др. Большинство картинъ, принадлежащихъ кисти В. И. Бѣлослюдова, талантливаго и вдумчиваго художника. Кромѣ того, имъ составлены три прекрасныхъ альбома: по архитектурѣ, археологіи и статистикѣ Семипалатинской области. Первый альбомъ заключаетъ въ себѣ рисунки съ

старинныхъ татарскихъ домовъ г. Семипалатинска, съ своеобразной культурой. Эта интересная архитектура татарской части города быстро исчезаетъ, то разрушаясь отъ времени, то дѣлаясь достояніемъ пожаровъ, отъ которыхъ выгараютъ, вслѣдствіе скученности татарскихъ построекъ, цѣлые кварталы. В. И. Бѣлослюдовъ успѣлъ зарисовать многіе дома, которыхъ теперь уже нѣтъ. Во второмъ альбомѣ зарисована цѣлая серія интересныхъ археологическихъ предметовъ изъ музеевъ—Семипалатинскаго Географическаго Подотдѣла и Бѣлослюдовыхъ. Статистика Семипалатинской области, занесенная въ третій альбомъ и богато иллюстрированная діаграмами и разными выкладками, даетъ прекрасную картину положенія въ области народнаго образованія, торгово-промышленной жизни и т. д. Одинъ изъ археологическихъ альбомовъ пріобрѣтенъ у Бѣлослюдова для Академіи Наукъ В. И. Каминскимъ, въ 1910 г. пріѣзжавшимъ въ Семипалатинскую область для знакомства съ археологическими памятниками нашего края. Путеводителемъ Каминскаго по Усть-каменогорскому уѣзду, не бѣдному курганами, былъ А. И. Бѣлослюдовъ хорошо знакомый съ курганографіей уѣзда.— Въ музеѣ Бѣлослюдовыхъ насчитывается всего около 2½ тысячъ предметовъ, стоимость которыхъ хозяева ихъ опредѣляютъ почти въ двѣ тысячи рублей. Музей Бѣлослюдовыхъ популяренъ въ городѣ. Его часто посѣщаютъ любители старины. Вѣроятно, музей будетъ со временемъ переданъ Бѣлослюдовыми Географическому Подотдѣлу, если послѣдній обзаведется собственнымъ помѣщеніемъ, удовлетворяющимъ сложнымъ потребностямъ ученаго учрежденія. Музей Бѣлослюдовыхъ постоянно пополняется. Въ то время, когда составляется настоящій очеркъ, въ музей поступило свыше ста новыхъ предметовъ, представляющихъ значительную цѣнность.

Музей Е. П. Михаэлисъ.

Музей Е. П. Михаэлисъ въ г. Усть-каменогорскѣ состоитъ изъ одного отдѣла *ракушекъ*. Послѣднія полно представлены видами джунгарскими и сибирскими. Владѣлецъ ихъ одно время серьезно занимался изученіемъ ракушекъ и областью ихъ распространенія. Результаты изслѣдованія были опубликованы, сколько намъ помнится, Академіей Наукъ. Хорошо знакомъ Е. П. съ геологіей золотоноснаго Калбинскаго хребта (Устькам. уѣзда), изученіемъ котораго занимались въ 1911—1912 г.г. извѣстные геологи проф. Обручевъ и проф. Яншинскій. Указанныя лица признали всю компетентность геологическихъ свѣдѣній о Калбѣ Е. П. Михаэлисъ, у

котораго съ этого горнаго хребта имѣются коллекціи минераловъ.

Музей М. С. Колмагорова.

Владѣлецъ музея живетъ въ г. Усть-каменогорскѣ. Будучи страстнымъ охотникомъ, М. С. Колмагоровъ собралъ коллекцію птицъ, которыхъ лично и препарировалъ. Его музей чисто *зоологическій*. Коллекція не особенно велика, но разнообразна. Заключаетъ виды птицъ. За послѣдніе годы М. С. Колмагоровъ занялся разведеніемъ садовой культуры—плодовыхъ деревьевъ, усовершенствованныхъ сортовъ клубники, малины и т. п.

Музей А. С. Хахлова.

Музей—въ г. Зайсанѣ. Лично намъ не пришлось видѣть его, но по отзывамъ лицъ, непосредственно знакомыхъ съ музеемъ, онъ представляетъ интересъ. Въ немъ имѣются коллекціи птицъ, яицъ, бабочекъ, экземпляры бѣлыхъ мышей и морскихъ свинокъ.*)

Г. Хахловъ извѣстенъ, какъ любитель пчеловодъ, имѣющій рамочную пасѣку съ ульями, собственной системы („Хахловскій улей").

Музей А. Г. Романова.

Музей заключаетъ въ себѣ одинъ отдѣлъ—*нумизматическій*. Коллекція представлена монетами мѣдными, серебряными и, въ незначительной степени, золотыми. Въ витринкѣ съ монетами имѣются также старинные карманные серебряные луковицей часы. Свою коллекцію владѣлецъ ея оцѣниваетъ въ триста рублей.

Вотъ всѣ извѣстные намъ музеи частныхъ лицъ въ Семипалатинской области. За исключеніемъ музея Бѣлосподовыхъ, всѣ остальные не блещутъ своими результатами и количествомъ предметовъ, но эта скромность, не исключающая возможности поучительнаго интереса, не мѣшаетъ однако имъ привлекать вниманіе любителей старины и природы. Важно не только количество, но и качество предметовъ.

Священ. *Бор. Герасимовъ.*

*) «Экскурсія на Алтай воспитанницъ Семипалатинской женской Гимназіи въ 1909 г.»—изъ записокъ Н. Мордвиновой Стр. 2—3 VI-й выпускъ Записокъ Семипал. Географ. Подотдѣла.

Мелочи омской старины.

«Мажоры».

Во шестидесятыхъ годахъ при войсковыхъ музыкальныхъ оркестрахъ въ Омскѣ была особая должность—*мажоровъ*. Эти «мажоры», обыкновенно, шествовали впереди своихъ оркестровъ, разукрашенные разными цвѣтными петлицами, съ бутафорскими погонами и орденами, отбивая ногами и покачиваясь всѣмъ своимъ корпусомъ въ тактъ музыки. Внѣ службы передъ простыми обывателями «мажоры» разыгрывали изъ себя начальство и вообще держались независимо, вызывающе. Такъ, одинъ изъ «мажоровъ» въ лѣтнее время имѣлъ обыкновеніе совершенно голымъ лежать на песку передъ своимъ домомъ. Лежалъ онъ, обыкновенно, перекатываясь съ живота на спину и обратно. Въ это время мимо проходило очень много женщинъ. Разумѣется, отвертывались и отплевывались, а голый «мажоръ» только посмѣивался.

Попеченіе о растительности.

Въ шестидесятыхъ годахъ подъ Омскомъ, теперь лежащимъ въ почти безлѣсной мѣстности, какъ разсказываютъ, росли прекраснѣйшіе лѣса. И тогдашнее начальство строго блюло за ихъ сохранностью. Такъ, омскій полиціймейстеръ того времени Шевелевъ за одинъ сломанный прутикъ, какъ разсказываютъ старожилы, выпалъ виновному до двухсотъ горячихъ.

Оклады жалованья.

Жалованье чиновникамъ въ шестидесятыхъ годахъ въ Омскѣ было очень мизерное. Напримѣръ, чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ Дюкомелькъ получалъ всего только 12 руб. въ мѣсяцъ и такое жалованье считалось тогда даже высокимъ. На обязанности такого чиновника лежало очень много отвѣтственной работы и, между прочимъ, производство очень сложныхъ ревизій, напримѣръ, мѣстнаго вой-

скового правленія. Эти ревизіи часто вызывались доносами, обыкновенно оказывавшимися неправильными.

«Свой-братъ».

Въ шестидесятыхъ годахъ при омскомъ казенномъ корпусѣ былъ врачомъ нѣкто Крупскій. Для захворавшей у него лошади былъ приглашенъ простой обыкновенный коновалъ. Послѣ того какъ этотъ послѣдній покончилъ свою «работу», докторъ Крупскій вынулъ деньги, чтобы заплатить коновалу за труды.

Но тотъ, ни что же сумняшеся, уже такое тогда было добродушно-простое время, отказался отъ денегъ, сказавъ:

— Со своего брата зачѣмъ же я деньги буду брать?!

Храпъ-маіоръ.

Въ военномъ Омскѣ и въ старое время обыватели въ шутку нѣкоторыхъ изъ своихъ собратій называли военными чинами съ прибавленіемъ шутливаго названія. Такъ, одного изъ обывателей, простого мѣщанина, неизвѣстно почему назвали храпъ-маіоромъ, и онъ всегда на эту кличку отзывался. Сына-же его почему-то звали юнкеромъ. Жизнь свою храпъ-маіоръ, однако, кончилъ самоубійствомъ.

Арестъ за часы.

Жандармскій генералъ Полятковскій однажды остался безъ своего любимаго повара, нѣкоего Честныхъ, который ежедневно приходилъ къ генералу для приготовленія ему обѣда О причинахъ отсутствія генералъ навелъ справки, и ему сказали, что Честныхъ отбываетъ полицейскій арестъ за часы. Генералъ поразился, какъ этотъ извѣстный ему своею безукоризненною честностью поваръ могъ украсть у кого-либо часы. И только случайно ему объяснили, что Честныхъ сидитъ не за украденные имъ часы, а за нарушеніе имъ отбыванія натуральной повинности обывателей по стоянію на часахъ у своихъ дворовъ въ ночное время. Повинность эта была введена въ Омскѣ въ 1860 году, и для наблюденія за обывателями, стоящими на часахъ, разъѣзжалъ по ночамъ особый патруль на лошадяхъ, топотъ копытъ которыхъ, гулко раздававшійся въ ночной тиши и слышавшійся издалека, наводилъ на пугливыхъ обывателей всегда страхъ. Полятковскій, узнавъ истинную причину ареста своего любимаго повара, выхлопоталъ ему немедленное освобожденіе. Полятковскій былъ полякъ, и вообще жандармскихъ генераловъ изъ поляковъ въ Омскѣ въ старое

время было очень много. До Полятковскаго, напримѣръ, былъ Ходкевичъ, жена котораго, какъ разсказываютъ старожилы, была съ бородою и усами.

Разболтавшійся кузнецъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ одинъ омскій купецъ отдалъ кому-то изъ мѣстныхъ кузнецовъ исправлять свой зимній возокъ, въ которомъ самъ купецъ и его приказчики ѣздили по ярмаркамъ. При ремонтѣ кузнецъ нашелъ въ возкѣ деньги, которыя, видимо, когда-то приказчики тайкомъ прятали ихъ туда отъ хозяина, но своевременно взять ихъ или не успѣли или же не сумѣли. Кузнецъ присвоилъ эти деньги себѣ и это присвоеніе такъ бы съ нимъ и умерло, если бы онъ однажды, напившись пьянымъ, не разболтался. А то онъ, пьяный, подошелъ къ дому купца и ну, кланяться. «Спасибо этому дому — громко бормоталъ онъ — далъ большими деньгами поживиться». Услышавшій это купецъ спохватился и заявилъ властямъ. Кузнеца арестовали. Протрезвившись, онъ упорно отказался отъ всякихъ показаній. Тогда полицейскій чиновникъ, производившій дознаніе, сталъ поить его водкой съ селедкой. Когда же кузнецъ почувствовалъ жажду, то ему до тѣхъ поръ не давали пить, пока онъ во всемъ не признался и не разсказалъ, куда онъ дѣвалъ присвоенныя деньги и сколько ихъ всѣхъ было.

Колоссальное пьянство.

Въ старые годы въ малолюдномъ и скучномъ Омскѣ пьянство обывателей положительно не знало предѣловъ. У одного, напримѣръ, доктора дни запоя именовались «поѣздкой по уѣзду». По вечерамъ, когда закрывались ставни оконъ въ квартирѣ, прислуга доктора разставляла на цѣломъ рядѣ столовъ свѣчи и графины съ водкой. Приносилась дуга съ колокольцами и лакей доктора, неся эту послѣднюю, побрякивая колокольцами, шествовалъ впереди, а за нимъ докторъ съ рюмкою. Такъ они переходили отъ стола къ столу, отъ графина къ графину, причемъ, останавливаясь у каждаго графина, докторъ выпивалъ, и это хожденіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока упившійся окончательно докторъ не падалъ съ ногъ. И это называлось «поѣздкой по уѣзду». Купечество точно также потѣшалось такимъ же пьянствомъ, но только въ компаніи и здѣсь оно называлось «по пашмеки», причемъ также моменты выпивки дѣлились на «станціи», и рѣдкій изъ пьяницъ, не свалившись, достигалъ послѣдней «станціи». Обыкновенно, пьяницы сваливались съ ногъ постепенно и

послѣдней «станціи» достигали уже немногіе. Оргіи съ раздѣтыми женщинами въ старомъ Омскѣ также были передкость и одинъ изъ тогдашнихъ вице-губернаторовъ, старикъ съ длинной сѣдой бородой, имѣющій даже литературные труды, участвовалъ въ такихъ разнузданныхъ оргіяхъ одновременно со своимъ старшимъ сыномъ. Разсказываютъ далѣе, что будто-бы изъ за одной гулящей женщины эти отецъ и сынъ до того разсорились между собою, что едва-едва не убили другъ друга.

«Трубадуръ».

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ по омскому базару ходилъ своеобразный «трубадуръ», нѣкто Доброхонскій, который распѣвалъ торгашамъ разныя пѣсни, какъ старики разсказываютъ, «на кого глядитъ, про того и поетъ». За свои пѣсни Доброхонскій получалъ подаянія, кромѣ того кормился какой-то азартной игрой того времени «въ ременекъ», въ которую соблазнялъ пріѣзжающихъ изъ деревень на базаръ мужичковъ. Старики еще и теперь, усовѣщая въ чемъ-либо своихъ сыновей, говорятъ:

— То-то, братъ, вспомни пѣсню Доброхонскаго: «я съ хозяиномъ расчелся — кулакомъ слезы утиралъ».

Изъ многочисленныхъ «пѣсенъ» Доброхонскаго у одного изъ стариковъ въ особенности сохранилась въ памяти слѣдующая:

1) Вы денежки мотаете —
Цѣны вы имъ не знаете:
Даете по церквамъ —
Мошенникамъ попамъ.

2) А я бы эти денежки —
Увезъ бы къ своей Оленюшкѣ:
На Выборгской живетъ —
И недорого береть.

Городскіе дѣятели.

Въ шестидесятыхъ годахъ омскимъ градскимъ головой былъ нѣкто Кузнецовъ, мѣстный богатый водочникъ. Цѣлые караваны съ Кузнецовской водкой ходили по киргизской степи. «Пошли верблюды, повезли кузнецовской воды», — говаривали тогда. Но не одну водку выдѣлывали тогда кузнецовскіе заводы, а также еще ромъ. Разсказываютъ, что гдѣ-то въ степи вздумали угодить Кузнецову и предложили ему выпить рома его собственнаго завода. «Нѣтъ, я такой дряни не пью», — ни что же сумняшеся отвѣчалъ Кузнецовъ. Но комплекціи градской голова Кузнецовъ былъ непомѣрной толщины. Когда онъ выписывалъ изъ Нижняго для себя сорочки и прилагалъ мѣрку со своей шеи, то тамъ думали, что эта мѣрка скорѣе съ головы, чѣмъ съ шеи. Приблизительно въ то же

время въ Омскѣ былъ курьезный членъ управы, нѣкто Корчемкинъ, на которомъ лежала обязанность слѣдить за правильнымъ производствомъ въ городѣ торговли. Самъ Корчемкинъ имѣлъ чайную торговлю. И вотъ, ходя по торговцамъ, онъ спрашивалъ: «чей чай?» Когда отвѣчали: «Корчемкина»—тогда все кончалось благополучно. Но если чай оказывался другой фирмы, то Корчемкинъ непремѣнно составлялъ какой-нибудь каверзный протоколъ.

Генералъ-людоѣдъ.

Про одного старика—генерала въ Омскѣ, теперь уже давно умершаго, потомство котораго, однако, еще проживаетъ въ Омскѣ, разсказываютъ, что онъ былъ людоѣдомъ, за каковаго онъ и слылъ въ мѣстныхъ военныхъ кругахъ. Людоѣдомъ этому генералу пришлось быть при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ какомъ-то утомительно длинномъ амурскомъ походѣ небольшой отрядъ генерала долго шелъ безъ всякой пищи. Всѣ голодали ужасно. Въ концѣ концовъ отъ голода одинъ юнкеръ умеръ. И вотъ обезумѣвшіе отъ голода люди будто-бы съѣли своего товарища, чѣмъ только и спаслись отъ голодной смерти. Все это впослѣдствіи было извѣстно начальству. На виновныхъ была наложена церковная эпитимія. Генералъ-людоѣдъ скончался въ очень преклонныхъ лѣтахъ.

И. Г. Кузнецовъ.

Работы Нинчугскаго Волостного Правленія по этнографіи тунгусовъ.

Нижеприводимый документъ по этнографіи тунгусовъ, живущихъ въ Нинчугской волости, Енисейскаго уѣзда, извлеченъ мною изъ архива Нинчугскаго Волостного Правленія, именно изъ дѣлъ за 1852 годъ. Свѣдѣнія эти, хотя и краткія, но все же имѣющія нѣкоторый интересъ для изучающихъ этнографію сибирскихъ инородцевъ, были представлены Волостнымъ Правленіемъ богучанскому отдѣльному засѣдателю по слѣдующему поводу.

Въ 1852 году отношеніемъ № 28 отъ 23 сентября дѣлопроизводитель енисейскаго губернскаго статистическаго комитета Костровъ обратился къ богучанскому отдѣльному засѣдателю съ просьбой доставить ему свѣдѣнія по этнографіи тунгусовъ, обитающихъ въ богучанскомъ отдѣленіи и необхо-

димыхъ ему для составленія этнографическо статистическаго описанія ихъ. Далѣе дѣлопроизводитель, прилагая небольшую программу для собиранія свѣдѣній о тунгусахъ, «присовокупляетъ, что собрать эти свѣдѣнія весьма легко или отъ самихъ тунгусовъ, при взысканіи съ нихъ ясака, или отъ вахтеровъ тѣхъ магазиновъ, къ коимъ они выходятъ за хлѣбомъ».

Богучанскій отдѣльный засѣдатель, въ свою очередь, сообщая волостному правленію копію съ отношенія статистическаго комитета, «предписалъ правленію по содержанію отношенія составить описаніе о тунгусахъ безъ малѣйшаго отступленія отъ изложенныхъ въ приложенномъ къ отношенію свѣдѣніи (т. е. программы) нужныхъ для комитета понятій о тунгусахъ и таковое доставить сколь можно поспѣшнѣе».

Въ результатѣ предписанія засѣдателя въ волостномъ правленіи было составлено «описаніе о тунгусахъ».

Приводимъ это описаніе цѣликомъ, при чемъ программу, составленную комитетомъ, печатаемъ мелкимъ шрифтомъ, а само свѣдѣніе—обыкновеннымъ.

1. Въ чемъ заключается лѣтняя и зимняя одежда и обувь тунгусовъ, мужская и женская и какъ называется по ихнему каждая часть оной? !!ри этомъ должно быть присоединено свѣдѣніе и о головныхъ уборахъ.

Тунгусы, обитающіе по Нинчугской волости, Каменскаго Черноульскаго, Ятоульскаго, II-го Куркугирскаго, III-го Куркугирскаго и Нанудальскаго родовъ имѣютъ одежду *лѣтнюю*, мужскую и женскую изъ простого крестьянскаго сермяжнаго сукна, до колѣнъ съ рукавами, называемыя по ихнему и по-русски—*зипунчики*; обувь обоего пола имѣютъ изъ оленьей кожи, вродѣ «черковъ», но только съ голяшками, называемую по-ихнему и по-русски—*лакомси*; рубахи у обоего пола русскія и того же названія; мужскій полъ имѣетъ штаны изъ холста и дабы, а женскій, вмѣсто оныхъ, изъ оленьей кожи—*хорьки*, названіе тому и другому, по-ихнему и по-русски, какъ объяснено, *зимнюю* мужскій и женскій полъ имѣетъ изъ оленьей кожи вверхъ шерстью—тулупчики, по-ихнему *хойта*; вмѣсто рукавицъ изъ той же кожи по-ихнему и по-русски—*кокольды*; на ногахъ, вмѣсто сапогъ, тоже оленьей кожи по-ихнему—*лукдули*; штаны имѣютъ мужскій полъ изъ сохатиной, а женскій изъ оленьей кожъ, названія оныхъ по-русски и по-ихнему—*хорьки*, и сверхъ того надѣваютъ на оныя изъ крестьянскаго сукна называемыя по-ихнему и по-русски—*рямежи* (теперь—орямужи. А. С.), головной уборъ мужскій полъ имѣютъ шапки по-ихнему—*авунъ*, изъ оленьей кожи, снимаемой съ ногъ и называемой по-ихнему—*камясы*,

а женскій — платки по-ихнему то же названіе; а въ лѣтнее — всѣ вообще, въ защищеніе отъ мошки, носятъ сѣтки.

2. Какъ они отправляютъ свои свадьбы, родины и похороны? Есть ли у нихъ пляски и какія-нибудь игры? Поютъ ли они пѣсни и нельзя ли для примѣра записать хоть одну съ русскимъ переводомъ или безъ онаго?

Свадьбу называютъ *ошаморанъ*, которую отправляютъ безъ всякихъ забавъ, кромѣ только пьютъ отъ жениха вино по его состоянію; поютъ пѣсни однимъ только голосомъ безъ словъ; пляшутъ какъ кто только вымыслитъ съ припѣвомъ: *іохурь, іохурь, іохурь, іохурь...* и такъ далѣе; за невѣсту женихъ платитъ отцу ея, а если его нѣтъ, то кому-либо изъ родственниковъ 10 оленей, а деньгами 100 руб. ассигнаціями; плату эту называютъ — *калымомъ*; родины бываютъ безъ всѣхъ прихотей и только имя родившемуся нарекаетъ не мать либо отецъ, а тотъ, кто бы только на то время случился; если кто помретъ, то изъ нихъ окрещеннаго во всей той одеждѣ, въ которую одѣвается живой, кладутъ во гробъ, по ихнему — *болу*, и зарываютъ въ землю, кладутъ съ нимъ мужскому полу — лукъ, стрѣлы, пальму и ножъ, а женскому — ножъ и бадожекъ, по-ихнему — *тиовунъ*, а некрещеныхъ тунгусовъ съ тою же кладью и одеждою и въ такомъ же гробѣ, не зарывая въ землю, ставятъ на лабазъ, сдѣланный на двухъ столбахъ, и навѣшиваютъ на оный мѣдный котелъ.

3. — Какъ называются по-тунгусски разныя части тѣла человѣческаго и вообще нельзя ли привести до ста словъ ихъ, означающихъ разговорные предметы; равно нельзя ли привести до десяти фразъ обыкновеннаго ихъ разговора.

Человѣкъ называется по-тунгусски — *аоньки*; женщина — *аши*; голова — *шушина*; лицо — *анче*; носъ — *окто*, ротъ — *амга*, подбородокъ — *джеи*, лобъ — *ольгото*, брови — *шарометта*, рѣсницы — *примкала*, ноздри — *шелю*, шея — *некиноша*, усы — *пурехта*, верхняя губа — *ходшунъ*, нижняя губа — *чеунче*, языкъ — *чолы*, зубы — *актоль*, затылокъ — *ипа*, рука — *оля*, нога — *олиань*, локоть — *исенъ*, перстъ — *ушкачанъ*, ноготь — *ошикта*, суставъ — *оньки*, уши — *шере*, груди — *иконъ*, спина — *сулдунно*, талія — *дукли*, сѣдалка (задница) — *мукото*, пупъ — *тое*; разговариваютъ такъ: если дѣлать — *удчека*, итти — *іоначенотъ*, промышлять — *боюнотъ*, былъ — *бычевъ*, говорилъ — *голдачо*, платилъ — *томачемъ*, взыскалъ — *богоченъ*, требуютъ — *напчере*.

4. — Есть ли у нихъ шаманы, какъ они одѣваются, уважаютъ ли ихъ тунгусы и въ чемъ заключается ихъ шаманство?

Шаманы имѣются, но нынѣ весьма таковыхъ мало, которые прежде во время шаманства надѣвали на себя одн

только рубаху и вродѣ сапогъ, по ихнему—*унты*, съ длинными до рубахи голяшками, и на оныхъ спереди, вдоль съ ногъ до головы, желѣзные шинные, съ кольцами для сгибу, оковы; все это по ихнему - *татыло*; на головѣ желѣзная шапка, по ихнему - *аунъ*, съ рогами величиною въ четверть; а нынѣ въ рубашкѣ и штанахъ, надѣваютъ одинъ только халатъ, по-ихнему такъ же называется; шаманство производятъ по просьбѣ тунгусовъ въ разныхъ ихъ нуждахъ, напримѣръ, если идутъ въ лѣсъ, чтобы болѣе было улова звѣря и прочаго; платы и почтенія имъ за это не оказывается.

5. Какого звѣря и какую рыбу они промышляютъ и какъ каждый родъ рыбы и звѣря, а равно птицы, называются у нихъ?.

Медвѣдь . . . . . *амиканъ.*
Волкъ . . . . . *онымъ.*
Выдра . . . . . *зукунь.*
Россомаха . . . . . *джарпоки.*
Соболь . . . . . *чипконъ.*
Бѣлка . . . . . *улюки.*
Колонокъ . . . . . *солонго.*
Горностай . . . . . *джелеки.*
Лисица . . . . . *шулеки.*
Заяцъ . . . . . *мундуконъ.*
Сохатый . . . . . *колоху.*
Олень . . . . . *боюнъ.*

П Т И Ц Ы.

Глухарь . . . . . *хороки.*
Тетеревъ . . . . . *попъ.*
Рябокъ . . . . . *илюкичанъ.*
Гусь . . . . . *нюпяки.*
Утка . . . . . *мурии.*

Р Ы Б Ы.

Таймень . . . . . *джели.*
Щука . . . . . *путконъ.*
Налимъ . . . . . *шинень.*
Окунь . . . . . *джекичанъ.*
Сигъ . . . . . *шуры.*
Карасъ . . . . . *колентс.*
Бульбанъ . . . . . *больбанъ.*
Сорога . . . . . *сороги.*
Елецъ . . . . . *елецъ.*

Образъ жизни ведутъ они званію ихъ приличный и изъ нихъ нѣкоторая часть имѣютъ богатство средственное, а

большею частью таковыя состоятъ въ бѣдственномъ положеніи; постройку юртъ производятъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ имъ надобность укажетъ, вродѣ балагана, дѣлая кругъ изъ тонкаго лѣса, покрываютъ оный снимаемою съ дерева берестою, а частью по состоянію холстомъ; и все это приготовленіе при переходѣ въ другое мѣсто возятъ на оленяхъ съ собой; для этой кровли юрть бересту оскабливаютъ для всегдашней потребности пластинами на подобіе войлока.—

Свѣдѣнія эти были представлены Засѣдателю 30 ноября 1852 года за № 2659.

Богучанъ, декабрь 1912.

А Савельевъ.

Редакторъ-Издатель **А. И. Линьковъ.**

Секретарь редакціи **Петръ Чечинъ.**